

ПРИВИЛЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ

ЧАСТЬ 1

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

АЛЕКСЕЙ ШАХАНОВ

18+

Алексей Шаханов

Привилегия выживания. Часть 1

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Шаханов А. И.

Привилегия выживания. Часть 1 / А. И. Шаханов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Что представляет из себя человек, если привычный социум со всеми его законами, правилами, догмами и традициями перестает существовать? Каким он видит мир вокруг себя? Что меняется в нем под давлением обстоятельств? Как он поведет себя в экстремальной ситуации или в случае необходимости тяжелого выбора, не отягощенный оценкой своих поступков и их последствий через призму социальной машины? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Предисловие

Написание этой книги заняло nepозволительно долгое время, я начал ее еще в 2012 году. Сам факт того, что ей суждено было, в конце концов, случиться – лишь в малой части моя заслуга. Большая же часть принадлежит трем людям, которые на разных этапах моего сочинительства поддерживали меня, вдохновляли, критиковали, мотивировали, читали наброски и имели терпение выслушивать мои многочисленные и далеко не всегда интересные идеи. И за это им огромное спасибо. Маме – Ирине, жене – Татьяне и другу – Юрию.

Уважаемый читатель!

Данная книга предназначена строго для лиц, достигших совершеннолетия.

Автор не несет ответственности как за действия героев и их убеждения, так и за действия читателя после прочтения данной книги.

Все герои и события вымышлены, любые совпадения случайны.

Продолжая читать, вы подтверждаете, что ознакомлены с вышеуказанной информацией, и что вам 18 или более лет.

Глава 1

Год четвертый, лето.

– Засек его?

– Нет.

– Бля, твою за ногу...

Смоукер сквозь зубы прошептал еще пару проклятий, помолчал, и, в конце концов, отпустил танкетку. На самом деле толку спрашивать не было ни малейшего, не хуже меня должен был понимать, что если мы за все это время не смогли отследить место, с которого вели огонь, то от еще одной попытки ничего радикально не изменится. Хотя напарника своего я понимал прекрасно, у самого уже тик под глазом на нервной почве.

Я повел биноклем вправо-влево от предполагаемой точки выстрела. Пламегаситель? Наверняка, но если бы только он был причиной. Облачко пороховых газов заметить сложно, но при таком количестве выстрелов я бы рано или поздно на него наткнулся. За неполные две недели поисков выучил наизусть каждую херову травинку на этом долбаном холме. И хоть бы одна шелохнулась.

Вывода отсюда может быть два. Либо мы оба конкретные долбоебы, страдающие слепотой и глухотой одновременно, либо, что, хочется верить, более вероятно, этот засранец охренительно замаскировал свою позицию. Впрочем, последнее, по сути, никак не оправдывает, уже который раз нас обводят вокруг пальца. И что самое обидное, даже понятия не имея о нашем существовании.

Опустив бинокль, я машинально бегло огляделся по сторонам. Расположившись между двумя припаркованными друг рядом с другом седанами, сзади прикрытый «домом на колесах», стоявшим на кирпичах и видимо раньше исполнявшим роль будки для охраны, я почти по пояс лежал в живой изгороди, ограничивавшей парковку перед супермаркетом, сквозь которую мне было отлично видно весь сектор, а вот обнаружить при этом с холма, например, меня в этих зарослях было практически невозможно.

Супермаркет находился в семидесяти метрах на три часа, многоуровневый гараж в ста пятидесяти на пять, еще дальше был спуск к реке, перед которым с шести до девяти часов растянулся небольшой парк. На десять часов уходила дорога к шоссе и спальному району с другой его стороны. И, наконец, прямо по курсу на двенадцать часов располагалась лесополоса, и начинались холмы, на одном из которых засел этот долбаный снайпер. Если точнее, то вот на этом сраном холме, примерно в трехстах пятидесяти метрах от моего местоположения. Как и ожидалось, никакого движения вокруг, кроме парковки перед супермаркетом.

– Смоук, похоже, папуас еще жив, – шепнул я в микрофон радейки.

Папуасами временно нарекались те счастливики, которым предстояло подохнуть от моей или Смоукера пули. Правда, в данном случае все обстояло несколько иначе, но сила привычки велика.

– Тогда наблюдай, может, будет еще стрелять, – мой напарник старался не терять оптимизма.

– Не, не вариант, я бы не стал.

Папуас действительно был еще жив, но шанса у него не было ни единого. Через бинокль было хорошо заметно, что ему неслабо разорвало плечо. Это вам не из мелкашки по голубям пулять, судя по звуку, калибр приличный, не настолько крупный, конечно, чтобы слона насквозь продырявить, но даже средний бронник вряд ли спасет.

Он полулежал, откинувшись на свой рюкзак, и громко стонал. Рука повисла на куске плоти и почти оторванном рукаве кожаной куртки, которые не давали ей окончательно поки-

нуть своего хозяина-неудачника. Парень быстро истекал кровью, алая лужица на асфальте росла с каждой секундой. У него, скорее всего, был шок, и вряд ли он адекватно соображал, иначе бы уже давно попытался найти себе укрытие, но именно неподвижность и отделяла пока парня от того света, на который он от потери крови неминуемо отправится в самое ближайшее время. Попробуй он встать или хотя бы резко дернуться, его тут же накроет вторая пуля. А так время работает на снайпера, он экономит боезапас и лишний раз себя не обнаруживает.

Цугцванг для папуаса и гребаный статус-кво для всех остальных. Надо отдать должное гаду, этот стрелок с холма не сделал еще ни одной ошибки, которую я бы мог заметить. Ниндзя хуев.

Шесть выстрелов за две недели. Ни одного промаха. Барахло с трупов забирал аккуратно, ночью, дважды элегантно обойдя нашу засаду.

Откровенно говоря, это банальное везение, что именно мы на него охотиться начали, а не наоборот. Я в свое время чуть промедлил с выстрелом и упустил нужный момент, а вот снайпер предоставленным шансом воспользовался, чем и выдал свое присутствие. Выстрел номер раз.

Он произошел неожиданно, так что я смог только примерно по падению тела определить направление, с которого прилетела пуля. Тем не менее, у нас хватило терпения и нервов выждать двое суток практически без движения, и когда снайпер наконец пальнул повторно, мы вычислили холм, с которого вели огонь.

Уже под вечер второго дня женщина забежала в супермаркет, а минут через пять на выходе получила пулю, снесшую ей полчереп. Выстрел номер два.

Последовавшие за этим выстрелы три, четыре и пять продолжили нашу долгую и пока безуспешную охоту.

Причем в ночь после третьего выстрела Смоукер, заложив приличный крюк в пару километров, переместился к подножью холма, на котором, по нашим прикидкам, находился снайпер.

Посменный отдых с этого момента стал похож на засовывание башки в пасть тигру. Спать приходилось с включенной рацией и оружием, снятым с предохранителя, в то время как напарник внимательно осматривал подходы к твоей позиции. Истощались не только запасы терпения, начали подсаживаться запасные батарейки на обеих радеях.

И все равно, несмотря на то, что, ориентируясь по звукам выстрелов, район поисков удалось значительно сузить, даже находясь практически в том же месте, что и стрелок, Смоукер не мог определить конкретную точку.

У меня же начали закрадываться сомнения в исправности собственного зрения. Ну никаких внешних признаков. Ни вспышки, ни облака пороховых газов, ни блеснувшей оптики. Ровным счетом ничего. И вот, минутой назад снайпер в шестой раз положил пулю в цель.

Отвлечись на секунду от папуаса на парковке, я глянул в сторону супермаркета. Там, в глубине здания, началось какое-то движение. Стеклопанель почти на всю ширину фасада первого этажа теоретически открывала все внутреннее пространство для обозрения, но дальше линии касс даже днем свет практически не проникал, погружая торговый зал в полумрак. И вот оттуда только что появились два пока еще нечетких силуэта и медленно продвигались по направлению к выходу. Только теперь появились. Учужили или услышали? Скорее услышали, конечно, но в принципе разницы никакой, исход становился ясен окончательно.

На самом деле, если не считать последних пяти минут, лежащий сейчас в крови на парковке папуас вызывал неподдельное уважение. Тихо войти, провести внутри почти полчаса, набрать полный рюкзак и выйти, не притащив за собой никакого хвоста, – это дорогого стоит.

В памяти всплыла картина месячной давности, когда мы со Смоукером только-только отыскивали это «уютное» местечко и попытались здесь чем-нибудь пожить. Мне потом несколько дней подряд снился этот блядский супермаркет. Постоянно маячащие рядом тени, прилавки, кишачие насекомыми, липкий и местами скользкий от крови пол, усыпанный оскол-

ками стеклянных стен местных киосков, снующие под ногами стаи огромных крыс и какое-то безумное количество полуобглоданных останков людей и животных, о которые постоянно норовишь споткнуться в темноте, не имея возможности включить фонарик, дабы не привлечь внимания местной всегда голодной публики.

А самое главное – запах. Кошмарный смрад, смешанный из целой коллекции тошнотворнейших ароматов, которые источали гниющие на прилавках продукты, разлагающиеся трупы, крысиное и еще хер знает чье дерьмо, раздавленные насекомые и, наконец, главные местные обитатели. Чудовищную вонь последних невозможно перепутать ни с чем, она как огромная сирена над ухом, сигнализирующая об опасности, не дающая расслабиться ни на долю секунды. Если где-то и существует ад, то в этом супермаркете точно находится его филиал.

– У тебя дохлятина на горизонте, – раздался в ухе громкий шепот Смоукера.

– Вижу, но эти ребята явно не по мою душу.

Из главного входа медленно вышагивали два бывших представителя *homo sapiens*. Зомбаки довольно уверенно направлялись к истекающему кровью.

Если раньше никогда не сталкивался с ними, издали отличить их от людей практически невозможно. Во всяком случае, тех, кто умер с полным комплектом конечностей и внутренних органов. Только вблизи становятся заметны грязно-серый цвет кожи и безжизненные глаза со смазанной, почти отсутствующей радужной оболочкой. У меня, впрочем, уже был настолько богатый опыт встреч с этими тварями, я их с любого расстояния вычислял в полсекунды.

Плавные растянутые движения погруженного в глубокий транс, аккуратные шаги, слышать которые, если мертвец в мягкой обуви или совсем без нее, очень непросто. Частые остановки при ходьбе, чтобы прислушаться и приняться. Зрение у зомби было слабое, но это с лихвой компенсировалось ошеломительным слухом и обонянием. Шуметь, потеть, а тем более истекать кровью рекомендуется только при наличии непреодолимого желания быть съеденным заживо.

Особой скоростью они похвастаться не могли, убежать проблемы вроде бы не составляло, но твари обладали поистине нечеловеческим упорством, преследовать по запаху крови жертву могли несколько дней. И чем их больше, тем сложнее остановить, приходится использовать огнестрел, а на звуки пальбы радостно сбегается новая дохлятина.

Стоны оборвались как по команде, папуас, наконец, заметил новую угрозу. Он резко попытался подняться, рука, висевшая практически на честном слове, оторвалась вместе с рукавом. Дальше я уже не смотрел, точнее, поднеся к глазам бинокль, внимательно вглядывался в определенную Смоукером зону холма, откуда сейчас должен был случиться новый выстрел. Послышался сдавленный вскрик, похоже, папуас сильно расстроился от потери руки и, так и не встав окончательно, рухнул обратно на асфальт, впрочем, тут же завозился, вновь пытаясь встать.

Выстрела не было. Я не выдержал, оторвался от бинокля и глянул на парковку. Он почти поднялся на ноги, но явно не успевал. Лямка рюкзака соскочила с плеча с отсутствующей рукой, и тот упал на землю. Парень, стоя на коленях, завывая то ли от боли, то ли от страха, хрен его знает, пытался одной рукой поднять рюкзак и закинуть на плечо, зомби перешли с шага на бег, им оставалось максимум метров пятнадцать.

Ну сейчас точно. Я снова прильнул к окулярам бинокля. Расклад был очевиден. Уйти папуас уже не успеет, сейчас его начнут жрать, а он, в свою очередь, – очень громко орать, и если снайпер не захочет потом доставать ценный рюкзак из самого эпицентра зомби-парада, он обязан прикончить папуаса прямо сейчас. Но выстрела не было.

Со стороны парковки послышались удары, возня. Видимо, этот товарищ на что-то надеялся и пытался отбиться. Его скорая смерть была неочевидна только ему самому.

Ну почему ж ты, блядь, не стреляешь?

– Слышь... Тут ходит кто-то...

– Кто ходит? – я задал самый идиотский вопрос из возможных в данной ситуации.

Смоукер не ответил, то ли из-за тупости вопроса, то ли ему сейчас было не до меня.

– Как сможешь, дай свою позицию, – собрался с мыслями я и бросил взгляд на лежащую рядом винтовку.

Прошло секунд тридцать, прежде чем Смоукер снова вышел на связь. За это время я успел аккуратно вытащить ствол винтовки через кусты наружу, снять с предохранителя и дослать патрон в патронник.

– Я от двушки метрах в двадцати ближе к точке, – послышался сквозь помехи шепот моего напарника. – Кто-то прошел вниз по склону... Метрах в тридцати правее меня...

Так, второй ориентир – сломанное дерево. От него вправо. Я впился взглядом в то место, где должен был проходить неизвестный. Попался, козлина. Шевельнулись ветки низенькой ели, сквозь высокие заросли травы и кустарника мелькнул камуфляж. Он действительно направлялся вниз. Почти не скрываясь. Да еще днем. Какого хера?

– Вижу его, сейчас сниму, – шепнул Смоукер.

«Но снайпер должен быть левее, как он справа-то возник?» – мелькнул у меня в голове вопрос. Он был как последний кусок головоломки, вставший на свое место. Меня осенило.

– Стой! – прошипел я в микрофон. – Стой, бля, вообще не двигайся!

Перевел бинокль туда, где должен был по идее находиться Смоукер. Тот, замерев сначала на полушаге, начал медленно опускаться в траву. Отлично, можешь меня обматерить, я тебе потом все объясню.

Тем временем мужик в камуфляже пересек границу лесополосы и рысцой подбежал к парковке. Кратность бинокля позволила увидеть, с чем этот тип вышел повоевать.

За спиной, судя по стволу и скользящему цевью, болтался помповый дробовик, в набедренной кобуре справа находился пистолет с глушителем, а в руках боец держал, ни хрена себе, АС «Вал» второй модификации, стоявший на вооружении только в нескольких спецподразделениях в стране. Картину дополняла явно непустая разгрузка. Херов терминатор был упакован по самое не могу. На башке у него была очень похожая на мою собственную гарнитура, наличие которой окончательно меня укрепило в первоначальной догадке.

Снайпер работал не в одиночку и сейчас не стрелял потому, что ждал своего напарника, который должен был по возможности тихо всех положить, забрать барахло и свалить. Ну не могли они позволить зомбакам копаться в уже собранном рюкзаке до темноты. Это жадность, ребята, единственная ваша ошибка за все время. Вопрос – фатальная ли?

Напарнику снайпера оставалось преодолеть меньше сотни метров до папуаса, который, невзирая на катастрофическую кровопотерю, на удивление бодро продолжал отмахиваться от дохлятины ножом и отпинываться ногами. Впрочем, зомбакам ножевые вообще до фонаря. Разве что в голову, да и то, это уметь надо.

Наскоро прикинул варианты. Самый простой: напарник кладет папуаса и зомбаков, я кладу напарника и... И все, тупик. Снайпер после моего выстрела уже точно не высунется. На звук моей винтовки из супермаркета наверняка поползет новая дохлятина, я к нему значительно ближе нахожусь, в итоге меня либо сожрут, либо попаду под прицел и стану седьмым в черном списке. Стоп. А если...

– Снайпер его прикрывать будет, пока тот жив, – Смоукер будто читал мои мысли.

Похоже, объяснять ничего не придется, он уже разобрался в ситуации.

– Да, если снайпер начнет палить, выдвигайся, пройди через верх и выходи на него со спины. Не сможет он смотреть в обе стороны сразу.

Все, ставки сделаны, работаем.

Я сложил бинокль и сунул в карман разгрузки, рассматривая теперь происходящее на парковке через оптический прицел. Конечно, рискованно, вероятность заметить меня была

ненулевой. Несмотря на то, что солнце было практически позади меня, соответственно блик от оптики был маловероятен, но вот ствол винтовки явно торчал наружу из зарослей.

Надежда была только на то, что для всех участников действия в данную секунду существовали вещи, требовавшие гораздо более пристального внимания.

Папуас заметил мужика в камуфляже, но совершенно неправильно оценил ситуацию, крикнул тому что-то. Тот улыбнулся, сказал что-то в ответ и слегка мотнул головой, мол, иди сюда. Прицелился в ближайшего зомбака. Парень, сломя голову, кинулся по направлению к «спасителю». У того улыбка сошла с лица, он слегка повел стволом в сторону. «Вал» беззвучно дернулся, и удивленный папуас с пулей в груди осел на асфальт.

Дохлатина радостно накинулась на переставшего сопротивляться паренька. Вопреки моим ожиданиям мужик даже не стал добивать мертвецов.

Удостоверившись, что они полностью поглощены своим основным занятием, мужик аккуратно обошел «трапезную» и остановился перед рюкзаком.

Я сделал протяжный вдох-выдох и слегка потянул на себя спусковой крючок, выбирая его свободный ход. Теперь ждать момента. Ловил каждое движение цели, как будто сам вместе с ним снимал со спины дробовик, клал его на землю, переворачивал рюкзак, взваливал его себе на плечи. Мужик наклонился, чтобы весь вес рюкзака пришелся на спину и стал поправлять лямки, поглядывая на чавкающих зомбаков.

«Сейчас!», – почувствовал я и выстрелил. Пуля прошила левое колено насквозь, мужик взвыл и завалился на землю. Завозился, выбираясь из-под рюкзака, без паузы перекатился вбок, одновременно выставляя «Вал» перед собой. Автомат был направлен в мою сторону.

Я, не выходя из положения лежа, оттолкнувшись руками от земли, рванул назад и укрылся за высоким бордюрным камнем, ограничивавшим зону изгороди. Вовремя.

Длинная и явно неприцельная очередь рубанула по кустам, вжикнув несколькими пулями у меня над головой, частично застряв в обоих седанах и оставив несколько дырок в фанерных стенах «дома на колесах». Молодчик, бля, за наблюдательность пять. Вторая очередь, похоже, опустошила магазин, и я решил выглянуть, оценить обстановку.

Мужик успел в перерыве между очередями спрятаться за рюкзаком. Один из зомбаков оторвался от кормежки и заинтересовался «свежей кровью». Он даже сделал несколько шагов по направлению к мужику. Будто взорвавшись изнутри, половина головы зомбака превратилась в выходное отверстие, и того швырнуло на асфальт. Докатившийся меньше чем через секунду звук выстрела был подписью снайпера под этим попаданием.

Все шло, как и предполагалось, стрелок с холма прикрывал своего напарника и давал Смоукеру шанс наконец себя обнаружить.

Тем временем на доске появились новые пешки. Еще штук пять мертвецов легкой рысью высыпали из супермаркета. Мысли вихрем понеслись у меня в голове. Метров сорок до зомбаков, напарник не будет стрелять сейчас, он лежит напротив входа, серьезный риск разбить стеклянный фасад, тогда вместо пяти будет пятьдесят, значит, снайпер будет лупить первым, завалит одного, максимум двоих, остальные пройдут дальше. Двадцать метров, напарник попытается стрелять, но придется выцеливать головы, в тело все еще рискованно, короткими очередями, тоже одного, максимум двоих. Десять метров, напарник перейдет на короткий ствол, зомбак бросится, дальше возня. Отлично. Я нащупал танкетку на плече.

– У тебя двадцать секунд, – сказал я Смоукеру и выдернул «Ярыгина» из кобуры.

Снял с предохранителя и проверил патрон в патроннике.

Оказалось, что я просчитался, записав обоих противников в супермены. Снайпер выстрелил четыре раза, попал всего дважды, один в ногу и один в живот. Зомбаков это лишь замедлило, вместо одной большой волны образовались две поменьше. Напарник принялся очень рискованно поливать длинными очередями дохлатину, почти не целясь. Послышался звон стекла со стороны супермаркета.

Сука, сейчас все из-за тебя ляжем нахер!

– Готово! – услышал я в наушнике нервную радость Смоукера. – Давай!

Я подскочил, продрался сквозь кусты и рванул, петляя на всякий случай, через парковку. Из пяти мертвецов осталось трое, у мужика снова опустел магазин, а перезаряжать он, как я и думал, не стал, выхватив пистолет, продолжил отстреливать тварей. Мне оставалось метров тридцать, когда ближний к мужику зомбак будто споткнулся на бегу и завалился набок, а тот неожиданно развернулся на меня. Тело среагировало само, я уже лежал на земле за колесом ближайшей машины, когда прозвучало несколько тихих щелчков, и около меня взвизгнули рикошетами по асфальту пули.

В отличие от вооружения напарника снайпера, мой «Ярыгин» стрелял громко, поэтому требовалась очень веская причина, чтобы самому ответить огнем. Но этого делать не пришлось. Двое оставшихся зомбаков, наконец, навалились на мужика, и я, уже вскакивая, услышал звяканье упавшего на асфальт его пистолета.

Подбегая к месту, быстро оценил ситуацию. Пока мужик отпихивал здоровой ногой прыгнувшего на него мертвеца, я успел подхватить с земли выпавшую у него «Беретту» с глушителем, одновременно машинально ткнув так и не задействованного «Ярыгина» обратно в кобуру. Зомбак откатился и тут же получил от меня две пули в голову. Вроде затих.

Я глянул на мужика. Немолодой уже, но сухой, поджарый. Из рваной раны на шее толчками лила кровь, на разорванном правом рукаве камуфляжной куртки расплывалось красное пятно. Мертвец все-таки успел пару раз куснуть. Левая нога была неестественно согнута в районе колена и торчала в сторону. Несмотря на дикую, наверняка, боль, он не издавал ни звука, только молча буравил меня глазами.

Стоило мне отвлечься на полсекунды буквально, он потянулся здоровой левой рукой к поясу, на котором висела пара гранат. Я с двух шагов по-футбольному ударил носком ботинка ему по кисти. Левую руку отбросило в сторону, я тут же наступил на нее, прижав к асфальту, а в гиб локтя правой всадил еще пару пуль. В принципе я мог бы его и сразу прикончить, но в данной ситуации, если придется столкнуться с большой партией мертвечины, живой отвлечет на себя гораздо больше внимания.

«Беретту» сунул за пояс, «одолжил» у мужика «Вал» и магазин из разгрузки, после чего, не сходя с его руки, сосредоточился на дохлятине. Теперь это было несложно, я их как цель не интересовал, инстинкт самосохранения у них отсутствовал напрочь, они тянулись к лежащим на земле и истекающим кровью, мне же оставалось лишь аккуратно по одному их выцеливать.

Примерно через минуту я смог выдохнуть, аккуратно отцепить гранаты с пояса мужика и оглядеться. Ему было уже совсем хреново, когда я сошел с его руки, он даже не попытался прижать порванную артерию на шее. То и дело закатывал глаза, что-то бормотал. Я наклонился пониже и прислушался.

– ...уйти дайте... ребенок же совсем... с того света достану...

– Ты не поверишь, – мрачно хохотнул за спиной Смоукер.

Я обернулся. Ни хера ж себе, снайпер. Походу мужик еще не совсем бредил. Смоукер вел, заломив ей руку и приставив пистолет к голове, девчонку. Несмотря на мешковатый маскаллат, по-мальчишески короткую стрижку и подростковые черты лица, ошибиться в определении пола было бы сложно. Она шла с видом взбешенной кошки, разве что не шипела и не мотала хвостом из стороны в сторону. Мы увидели одновременно, я ее, а она мужика.

Глаза у нее в секунду стали, как два блюдца, она вскрикнула: «Папа!» – и рванулась к нему. Смоукер от такого поворота событий слегка оторопел и отпустил ее.

Девчонка подбежала к мужику, упала рядом с ним на колени, захлебываясь ревом. Я и сам как-то несколько запоздало попытался среагировать, дернулся даже было, чтобы ее оттащить.

Лицо у мужика просветлело на миг: «Настюша, маленькая, все путем». Девчонка зарыдала совсем уж громко, начала трясти его, причитая, старалась поднять, но он уже потерял сознание.

– Уходить надо, мы тут как на ладони, – шепнул подошедший Смоукер, обстреливая взглядом окрестности.

– А с ней что делать?

Он помолчал, будто собираясь с мыслями, вздохнул и отвернулся.

– Не знаю, решай сам, – сказал он.

Даже если не брать в расчет, что я две минуты назад чуть ли не у нее на глазах, по сути, отправил на тот свет ее папашу, тащить девчонку с собой крайне рискованно по дюжине причин. Может просто уйти?

Она уже не рыдала, лишь всхлипывала, размазывая по щекам слезы.

Я подошел, она подняла на меня полные ненависти глаза. Нет, оставлять ее за спиной нельзя. Прицелился, она даже не успела испугаться.

Пока Смоукер шмонал трупы, я сгонял за своей винтовкой и остальным барахлом, после чего уже вдвоем, подхватив рюкзак папуаса, рысью побежали к лесополосе.

У подножья холма мы сделали последнюю остановку. Смоукеру надо было забрать свое добро из дневки, кроме того он притащил с собой винтовку девчонки-снайпера.

Американская машинка, не из штатных армейских, иначе я бы знал название, видимо, охотничий вариант, под триста тридцать восьмой калибр. Винтовка явно не новая, но ухоженная, плюс неплохая десятикратная оптика. Недолго думая, я снял со своей СВУшки прицел и приторочил ее к рюкзаку.

– Замаскировалась охерительно, еле нашел, – рассказывал Смоукер уже на ходу, периодически затягиваясь сигаретой. – Она чуть ли не траншею там себе выкопала. Бревно с холма катилось, между деревьями застряло, ну вот она под ним...

Я на какой-то момент выключился из его монолога. Неправ, я был абсолютно неправ. Не имел права так поступить. Нельзя было ее убивать.

Просто уйти. Сломать ей ногу и просто уйти. Никакой траты патронов в следующий раз. Соплежуй херов. Если бы дохлятина из супермаркета все же решила погулять по окрестностям, это могла бы быть последняя охота.

– Лапник к веткам привязан, хер догадаешься, – продолжал Смоукер. – Мы еще когда от парковки в первый раз смотрели, подумали, что просто елка лежит. В общем, если б она не лупила как из пулемета в тот момент, я бы и в двух шагах от места ни хера не нашел.

Он замолчал, покосился на меня.

– Сейчас бы накатить граммчиков сто пятьдесят, – прочитал Смоукер мои мысли.

– Да, я бы не отказался.

Впрочем, алкоголь теперь безопасно было потреблять разве что сидя в танке, опьянение в нынешних условиях резко понижает шансы выжить.

Глава 2

Год четвертый, лето.

Что есть закон, если его соблюдение некому контролировать? Что есть правило, если некому его тебе навязать?

Как только социум, как единый механизм, перестает существовать, вместе с ним исчезают условности, которые держат каждого отдельного представителя в рамках отведенной ему функциональной роли.

Правила, законы, традиции, насаждаемые социумом, возникающие под лозунгом заботы о человеке, в реальности же работающие либо на развитие и процветание социума в целом, как единого организма, либо, что бывает гораздо чаще, – на выгоду устанавливающих правила, без следа растворяются в наполненном ужасом и эгоизмом сознании тех, кто инстинктивно адаптируется к новой реальности.

Продолжающие же из-за страха перед неизвестным или от маразматичной принципиальности цепляться за эфемерные социальные гарантии, не способные осознать всю глубину погружения в хаос окружающего мира и свою абсолютную в нем беззащитность, просто подымают как табун лошадей, несущийся к пропасти. Мысли, что «так надо», «так правильно», «так все делают», не дают возможности остановиться и оценить реальное положение вещей.

Для выживания не существует законов, правил, запрещенных приемов, оно не связано с подлостью и благородством. Мораль, правила дорожного движения, система товарно-денежных отношений – все эти условности требовали постоянной поддержки, рекламы и продавливания со стороны социальной машины, выдавая за благо набор самоограничений. А их соблюдение или несоблюдение даже в то время не гарантировало конкретных последствий.

Зато вот никто и никогда не будет вешать на край каждой крыши огромную надпись «НЕ ПРЫГАТЬ!», никто не напишет инструкцию по пользованию падающим кирпичом, в которой будет надпись размером с полстраницы, что, мол, не стоит пытаться ловить его лбом, и что вероятность смертности, бля, растет прямо пропорционально высоте, с которой этот кирпич летит. Потому что это здравый смысл. И на вопрос «а почему нельзя?» нет необходимости долго объяснять, что, мол, неправильно, что ай-ай-ай, аморально и неправомерно. Почему нельзя? Можно, вперед. Похороны за свой счет.

Проводить в помещении с одним выходом не больше пяти минут, спать по очереди с готовым к бою оружием, мыться при первой возможности. Не потому, что грязный, потому что жить хочется. Все это теперь является здравым смыслом, который на таком базовом приземленном уровне не терпит маргиналов.

А вот не совать нос в город – это как раз из серии условностей, которые нарушаются при реальной необходимости. Только там все еще можно найти необходимую экипировку, оружие, медикаменты, даже продукты, под которыми обычно понимаются консервы, пусть даже с истекшими сроками хранения.

И все бы замечательно, если бы не тот факт, что любой город сейчас был похож на спящий осиный улей, очень чутко спящий улей.

Мы крадучись пробирались по узкому переулку между двухэтажками. Пришлось идти в обход, старый маршрут оказался непригоден для использования, какие-то дебилы, видимо, с песнями и плясками недавно пытались там пройти. Ну как еще объяснить десяток зомбаков над тремя трупами в забаррикадированном со всех сторон дворе? Это ж надо было умудриться притащить с собой всю эту дохлятину...

Зомби жрали обычно долго и вдумчиво, человека за один «присест» до конца съедали, только если их было очень много. В остальных случаях они могли несколько раз возвращаться к

убитому, постепенно обгладывая его до кости. И судя по виду этих трех счастливых, лежали они здесь не дольше суток. Ох и повезло нам не пойти через город вчера.

Вообще, ситуация с питанием у зомбаков довольно странная, и дело даже не в том, что сама возможность работы пищеварительной системы у этих тварей вызывает массу вопросов. По поводу любой системы их организма возникает такая же масса вопросов, ответить ни на один из которых без вскрытия, соответствующих исследований и образования, чтобы интерпретировать результаты, не представляется возможным.

Вопреки распространенным в первое время у напуганных до усрачки выживших бредовым историям на тему того, что дохлятину интересуют исключительно человеческие мозги, зомбаки жрали практически все. Причем круг их гастрономических интересов не ограничивался людьми. Любые животные могли стать жертвой. Лично наблюдал зомбака, с удовольствием уплетавшего целую колонию гусениц. Другой вопрос, что большую часть крупных животных, в отличие от относительно медлительного человека, было не так-то легко поймать. Кошки, собаки, крысы и разных видов птицы, которые продолжали населять город и окрестности в приличных количествах, дохлятину чуяли за версту, а так как последняя никакими навыками в плане коллективной охоты не обладала, животным обычно не составляло труда избежать опасной встречи. На зуб попадали разве что раненые или больные, впрочем, зомбаки совершенно не гнушались даже падалью.

Инстинкт пожрать работал даже у той дохлятины, которая, по идее, не смогла бы пищу переварить, разорванное пузо и волочащиеся по земле кишки совершенно не препятствовали аппетиту.

При этом нельзя сказать, что питание было для зомбаков обязательной регулярной процедурой. Они могли не есть, как минимум, неделями, при этом становясь разве что чуть более вялыми.

Еще более странной была история с питьем. Вода зомбакам была явно необходима, причем чаще, чем мясная диета. Тем не менее, мне ни разу не приходилось наблюдать, как они пьют. Вместо этого у них было что-то вроде купания, заходили в водоем по колено, падали, проводили под водой пару минут и выползали на берег. Величина водоема принципиального значения не имела, это вполне могла быть лужа посреди улицы. Вероятно, по этой причине большая часть дохлятины в городе рано или поздно скапливалась в местных подвалах, где всегда было сыро и могло скопиться много воды. Во время дождя часть зомбаков выбиралась наружу, иногда часами отмокая на одном месте. Последнее обстоятельство с учетом сегодняшней погоды меня довольно сильно напрягало, но тянуть дальше с вылазкой мы не могли себе позволить.

Смоукер добрался, наконец, до выхода из переулка, за которым начиналась широкая улица, присел и, выглянув за угол, через плечо показал два пальца и направление. Две твари за углом слева. Как раз там, где должна была располагаться конечная точка нашего маршрута.

После перестрелки на окраине у супермаркета у нас было практически все необходимое. Кроме боеприпасов. Оказалось, что патронов для снайперской винтовки осталось всего восемь штук, полтора магазина для «Вала» и один магазин для «Беретты». Дробовик оказался пустой, а девочка-снайпер, кроме винтовки, ничего при себе не имела. Короче, выбора у нас не было.

Впрочем, у дождя были свои плюсы. Я взглянул вверх. Темно-серое с редкими белесыми проплешинами небо монотонно поливало водой мертвый город, скрадывая и без того блеклые цвета, звуки, запахи. Казалось, что даже наши непромокаемые накидки насквозь промокли, хотя тогда мы бы уже давно подышали от переохлаждения.

Смоукер снова медленно высунулся за угол. Замер. Я мельком осмотрелся.

– Чш, Чш, – Смоукер привлек мое внимание, похоже, хотел посоветоваться.

Человеческая речь неплохо отделяется от посторонних звуков даже на приличном расстоянии, поэтому, когда пытаешься привлечь внимание напарника, не стоит кричать ему: «Эй, Вася, иди сюда!» – обычно это плачевно заканчивается и для кричавшего, и для Васи.

Медленно переступая на полусогнутых, приблизился к Смоукеру, присел, облокотившись на стену дома, боком к напарнику.

– Короче, смотри, оружиека через дом за углом, – почти не шевеля губами, произнес он, – один задохлик у первого дома, и один чуть дальше по улице, метров сто.

Смоукер при этом смешно жестикулировал одной только кистью левой руки. «Вал» покоился у него на сгибах локтей, и ладонью правой напарник похлопывал по рукояти в такт словам.

– Я обойду первого и пойду по центру, между ними, войду, осмотрюсь, дернусь – свиснешь, патроны не трать, просто сориентируй. Ты, вроде, в прошлый вот там заседал, – он мотнул головой в направлении развалин на противоположной стороне улицы, – там еще черная хрень какая-то болтается, тент, или что-то вроде того, не помню ее там. Глянешь?

– Угу, это тент, да, я его как подстилку использовал, ветром сдуло, зацепился за что-то, видать, – сказал я.

Мы поменялись местами. Я положил винтовку на колени, вытащил «Беретту», на которую сменил «Ярыгина», потому как патронов к обоим стволам было почти равное количество, но у первого они были дозвуковые и имелся глушитель, после чего выглянул за угол.

Широкая улица тянулась в обе стороны минимум на полкилометра. От некоторых зданий остались только руины, остальные красовались огромными дырами и выбоинами на фасадах, обрушившимися балконами, разбитыми стеклами в окнах и витринах, следами от попаданий пуль. Асфальт потрескался и местами напоминал вспаханное поле. Тут и там валялись человеческие останки и останки останков. Здесь почти четыре года назад был бой. С тяжелой техникой, крупнокалиберными пулеметами и прочей свистопляской. По этой улице из города эвакуировали последних людей «без признаков инфицирования». Эта формулировка в медицинской карте была покруче взявшего джек-пот лотерейного билета. Впрочем, как и в случае с лотереей, такую запись в карту получить людям «с улицы» было довольно затруднительно.

Первый зомбак был совсем близко, метрах в тридцати, но не смотрел в мою сторону, точнее, не смотрела. Когда-то это была женщина. Впрочем, перестав считать их хоть в какой-то степени людьми, я поймал себя на том, что почти прекратил обращать внимание на их пол и возраст. Второго заметил не сразу, он стоял за автобусной остановкой у подъезда с противоположной стороны улицы.

Присутствие этих двоих могло свидетельствовать о присутствии людей поблизости, но вряд ли бы тогда зомби стояли столбом посреди улицы. Скорее, эти как раз вышли на прогулку для «искупаться». Нам еще повезло, тварей могло быть значительно больше.

Так, ну теперь моя позиция. Почти полностью разрушенное здание, от которого остался только фасад первого этажа и небольшая часть стены с окнами второго. Весь остальной дом представлял собой холм из обломков бетонных стен и торчащей арматуры.

– Дай бинокль, – я, не глядя, протянул руку.

Подняв бинокль к глазам, прошелся взглядом по всем возможным снайперским позициям, до которых мог бы додуматься, почти на всех я уже побывал, когда мы в прошлый раз заходили в этот магазинчик «за покупками», и оставил на каждой хотя бы по одному «флажку», видному издали. Камень или разбитые бутылки на подоконнике, дырявое полотенце яркой расцветки, в общем, нечто, привлекающее внимание или мешающее вести огонь. И сейчас я видел, что все мои «флажки» на месте. Это значит, что либо здесь никого нет и не было, либо я проебал какую-то из возможных точек, и тогда нам вполне вероятно настанет полный и непоправимый пиздец. Но если об этом постоянно думать, можно стать параноиком. Себе жизненно необходимо верить безоговорочно.

Я сунул «Беретту» в кобуру, бинокль – Смоукеру и снова взял в руки винтовку.

– Ну, что скажешь? – он флегматично докуривал первую за утро сигарету.

– Пойдет, – одобрил я план Смоукера. – Я, правда, от этой точки никогда не был в восторге, руки-ноги там переломать – как два пальца обоссать, но для обзора реально лучший вариант. Как перейду дорогу и буду у обломков – проверка связи. Дальше как обычно.

Смоукер затушил бычок и показал «о'кей».

Я вышел из переулка и медленно двинулся в сторону развалин. Дождь делал меня почти бесшумным, но не невидимым. Не успел пройти и двадцати метров. Зомбак развернулся и посмотрел прямо на меня. Я замер. Тварь продолжала стоять на месте, но старательно нюхала воздух. Хуй тебе, сука, нет здесь обеда, давай, проваливай.

Скосил глаза на Смоукера. Тот уже прицелился в мертвую башку и поглядывал на меня с неммым вопросом. Я очень медленно жестом показал ему «нет». Положить гниду всегда успеем. Смоукер еле заметно пожал плечами, мол, как знаешь, но «Вал» не опустил.

Я стоял еще две минуты в одной позе, не шевелясь, почти не дыша, и был-таки вознагражден за терпение, зомбак повернулся в другую сторону и уставился в свое отражение в одной из немногих уцелевших витрин.

Добравшись до развалин, я нашел себе укрытие и включил рацию.

– Смоукер Хантеру, – привычно запросил я, понизив голос.

– На приеме.

– Проверка связи.

– На пятерку.

Я вздохнул и полез вверх. Ноги скользили по мокрому камню, винтовку пришлось перевести за спину, надо было работать обеими руками, цепляясь за все, что можно. Продвигался я довольно медленно, помимо опасений насадить себя пузом на какую-нибудь арматуру, боялся повредить гребаную винтовку, болтавшуюся на спине поверх пустого рюкзака. Таскать его с собой даже на короткую вылазку – это было своего рода оптимистичной традицией.

Поскользнувшись в очередной раз и приложившись локтем об бетон, я сквозь зубы выругался. Смоукер наверняка оборжался, наблюдая это «покорение Эвереста».

Дождь усилился. Прошло минут пять, прежде чем я, наконец, добрался до места. Несмотря на плохую погоду, обзор для организации прикрытия отсюда был более чем приемлемый. Оружейный магазин был на первом этаже в здании прямо напротив. Слева от него, судя по вывеске, был книжный, а справа несколько невысоких жилых зданий, протянувшихся почти до самого перекрестка. С прошлого нашего прихода сюда почти ничего не изменилось, разве что тел на улице стало слегка больше. После беглого осмотра достопримечательностей я вернулся к обследованию своей временной позиции.

Здесь тоже кардинальных перемен не случилось. Куски бетонных блоков были навалены практически вровень с сохранившимся подоконником, что позволяло более-менее комфортно устроиться лежа. Висящий на торчащей арматурине колышущийся на ветру тент поддал мне идею. Под дождем в качестве подстилки от него вреда больше, чем пользы.

Придавив его края камнями в двух местах и закрепив тем самым на месте, я получил навес и маскировку одновременно. На фоне тента я теперь выделялся значительно слабее, чем на фоне неба. Рюкзак снял и положил рядом, ляжки мешали свободно держать руки перед собой.

– Слышь, может тебе еще туда чаю с бутербродами принести? – по голосу чувствовалось, что Смоукер лыбится.

– Как меня видно? – я проигнорировал его прикол и перешел к делу.

– Скрылся нормально, обзор как?

– Норма, высовываться раньше времени не буду, так что правый от меня сектор твой, пока к оружейке не повернешь.

Все эти меры предосторожности, ставшие в нашей жизни чем-то вроде чистки зубов по утрам, простым ритуалом, доведенным до автоматизма, были направлены совсем не против зомбаков, однако уже не раз спасали нам жизнь. А уж в городе это было даже не столько предосторожностью, сколько пресловутым здравым смыслом, потому как словосочетание «людное место» в последнее время приобрело самый негативный из возможных оттенков.

– Принял, – отозвался Смоукер и начал движение.

Лежать на мокром бетоне было холодновато, я попеременно дышал на руки, следя за улицей, уходящей налево, на север, и краем глаза наблюдая за передвижениями моего напарника.

Он с приличным запасом обошел первого зомбака и двинулся к оружейке. Теперь и южное направление было моим. Я высунулся из окна, чтобы посмотреть направо. Стоп. А эта тварь где? Второго зомбака под навесом не было. Я нащупал тангетку выносного микрофона на плече.

– Смоук, второ... – договорить я не успел.

Со стороны перекрестка прозвучали выстрелы. Короткие очереди, два-три ствола. Подомной взвизгнули по асфальту рикошетами пули. Смоукер! Тот уже скрылся внутри оружейки, за ним забежал зомбак.

– Люди, человека три, перекресток на юге, расстояние сто пятьдесят, – скороговоркой выдал я.

Все, работаем. Переместился для стрельбы в правый сектор. Вытащил винтовку. Сошки. Предохранитель. Патрон в патроннике. Снял заглушки с прицела. Выставил винтовку перед собой, временно, закрыв полую накидки прицел.

Справа дали еще пару очередей по витрине, пули гулко отскакивали от пуленепробиваемого стекла, не оставляя под таким углом даже следа от попадания.

– Смоук, статус, – запросил я, готовясь к любому варианту развития событий.

– Норма, – успокоил меня напарник, – сам в порядке, два зомбака в минусе.

Значит, внутри еще один был. Круто сориентировался.

– Что с улицей? – Смоукер все же сильно нервничал, и я его в этом отлично понимал.

– Нормально пока. Из-за угла, похоже, ствол торчит, вход смотрит. Явно не засада, иначе меня бы сначала накрыли. Просто напоролись случайно.

Теперь осталось выяснить – кто на кого здесь напоролся.

– В принципе, задача не изменилась, давай за покупками, главный вход мой, – сказал я.

– Умный, да, поменяться со мной не хочешь? – огрызнулся Смоукер.

На самом деле, он все понимает. Несмотря на блядские обстоятельства, а скорее даже из-за них, нам теперь боеприпасы нужны не меньше, а может и больше, чем две минуты назад.

– Ладно, дай мне пять минут, здесь где-то был черный ход, уйду через него. Где встретимся? – Смоукер наконец оставил в покое лирику.

– Двор с зомбаками помнишь?

– Угу.

– С северного входа арка, там вроде в подвал вход. Вот не заходя внутрь, на лестнице.

– Херовая идея, если подвал не закрыт...

Я не услышал конца его фразы. Три человека в «урбан» камуфляже заканчивали перебежать улицу рядом с тем самым перекрестком справа. Заканчивали, блядь. Я отвлекся, пока говорил со Смоукером, и понял это только сейчас.

Коротко глянул на маячивший с моей стороны улицы ствол. Тот был на месте. Значит минимум четверо.

– Смоук, трое перешли улицу, главный вход все еще простреливается.

– Ясно.

Сначала я подумал, что эти трое сорвались перекрыть черный ход, но ошибся. Все было прозаичнее. Ублюдки незамысловато и нагло перли к парадному, куда полторы минуты назад забежал Смоукер. Они были охерительно вооружены и экипированы.

Последние модели АК, удобные рюкзаки с нижней подачей магазинов. С нажатием кнопки выщелкиваешь магазин, на его место встает следующий, и так до 10 раз.

Бронекомплекты, судя по виду, пятого или шестого класса, но самые современные, то есть относительно легкие, чтобы выдержать средней длины марш. Попадание в грудь или живот даже из моей нынешней винтовки пробитие не гарантировало.

Двигался противник четко, быстро и слаженно, хотя, судя по всему, с вооруженными людьми они уже давно не сталкивались. Один перемещался практически по центру улицы. Остальные двое шли друг за другом по противоположной от меня стороне, но к домам не прижимались. Такая формация была хороша против зомби, когда у тебя огнестрел. Как можно больше открытого пространства между собой и дохлятиной, валить которую, если аккуратно, можно хоть дивизиями. Но сейчас, ребята, не тот случай.

До оружейки троице оставалось метров пятьдесят. Я убрал полу накидки с прицела и быстро поймал в перекрестье первого из двойки у домов. Выстрел. Пуля попала точно в промежуток между бронежилетом и бедренной пластиной. Ногу вывернуло, и боец рухнул набок.

Не досмотрев, как он упадет, я немедленно по памяти навелся на то место, где был шедший следом. Никого. По центру тоже. Вот это, бля, реакция. Один, видимо, за угол зашкерился, второй наверняка за бетонным блоком, преграждавшим проезд. Шустрый засранец, до блока было метров семь, не меньше. Раненый воин быстро осознал горечь своего положения и завыл со всей скорбью, катаясь по земле.

Очень эффективная в плане деморализации противника тактика в нынешних условиях стала еще более устрашающей. Теперь раненый не столько даже давил на психику товарищей по оружию своим видом и задерживал группу, которой его бы пришлось тащить на себе, сколько привлекал криками и запахом крови дохлятину.

Со стороны бетонного блока прозвучал одиночный выстрел, и кричавший с простреленным забралом успокоился насовсем. Круто, намек понял. Но от зомбаков это вас уже...

Из-за блока далеко вперед по улице вылетела граната. Секундой позже еще одна в переулочек на моей стороне улицы. Мне, чтобы уйти из зоны поражения, достаточно было опустить голову. Прозвучали три громких хлопка, совсем не похожих на разрыв гранаты, третий где-то в глубине переулочка, куда скрылся один из живых пока еще бойцов. Что за херня? Я мельком высунулся и глянул влево, на предполагаемое место взрыва. Все, что я увидел, – оседающее красное облачко.

Ни разу не видел ничего подобного, я мгновенно понял назначение этих «гранат». Взрыв-пакеты с кровью. Отвести от себя зомби такой более чем реально. Блядь, ребята, кто ж вы такие? Быстро проверив, не высунулся ли кто из укрытия, я бегло через оптику рассмотрел убитого. Белая нашивка на рукаве. Твою мать, приехали.

Держа палец на спусковом крючке, левой рукой дотянулся до микрофона.

– Смоук, у нас «черепа» в гостях. Один минус, двоих пока прижал на улице. Поторопись.

– Бля, пиздец, – только и смог выдохнуть Смоукер.

Он знал, кто такие «черепа».

Сформированное в срочном порядке подразделение специального назначения состояло в основном из боевых офицеров разведки и привлекалось по большей части для проведения наиболее сложных операций по эвакуации кого следовало в наводненном зомбаками городе. Но на что эти ребята действительно способны, стало понятно, когда они с незначительными потерями подавили восстание в военной части, находившейся в черте города. Мало того, что они пригнали туда пару вертушек, которые разнесли все по кирпичику, так после этого, окружив территорию части, прошерстили все вдоль и поперек, отстреливая выживших. Эти же

товарищи проводили «зачистки» гражданского населения на «зараженных территориях». В общем, это подразделение могло заставить обосраться кого угодно одним видом этих самых нашивок с изображением человеческого черепа.

Напоролись здесь именно мы, и причем крайне жестко.

Тут и там начали появляться зомбаки, парочка из них уже вылизывала асфальт в месте взрыва «кровавой гранаты». Еще немного, и здесь будет не протолкнуться.

Из-за угла, за которым должен был находиться один из «черепов», высунулась «змея» гибкой видеокамеры. Сбить эту хрень сложновато, патронов мало, видеокамера у засранца может быть не одна. Не вариант.

С другой стороны, оставалось секунд десять максимум, прежде чем меня засекут. Затем один прикроет огнем, второй саданет разок из подствольника, и эти развалины станут моей ебаной могилой.

Решение надо было принимать немедленно. Я переполз вправо, укрывшись от видеокамеры за стеной. Привстал на полусогнутые, и продолжил движение в том же направлении, туда, где когда-то располагалась южная стена здания. План приходилось рожать на ходу. Пока двигался мимо проемов окон, пару раз глянул вниз, но никакого движения не заметил. Все правильно, еще секунд двадцать у меня есть, пока проводят повторный осмотр. Потом высунутся и начнут обрабатывать остатки дома из ГП. И это при условии, что нет второй группы, которая заходит мне в спину. Даже думать об этом не хотелось.

Наконец добрался до края, каким-то чудом не переломав себе ноги на этих блядских развалинах. Поднял винтовку, глянул через оптику. Видеокамера как раз скрывалась за углом!

Вскочил, перехватил винтовку левой, правой снял с пояса гранату, одним движением отщелкнул предохранитель, удерживавший чеку, вторым вытащил саму чеку и, размахнувшись, изо всех сил швырнул гранату в сторону бойцов за укрытиями. В локте тут же заныло, похоже, растяжение, но сейчас было не до этого. До «черепов» около полусотни метров, только бы долетела. Граната была еще в воздухе, когда я уже снова скидывал винтовку.

Мне повезло трижды. Граната упала всего в нескольких метрах от бетонного блока на стороне укрывшегося за ним «черепа». Он подскочил, перекатился через блок и оказался с другой стороны боком ко мне. Я выстрелил почти одновременно с грохотом взрыва. Меня не задело осколками, а вот моя цель оседала на асфальт. Пуля прошла через руку, раздробив плечевую кость, и попала в тело чуть ниже подмышки, где из брони только армированная ткань. Он еще шевелился, но слышимых с моей позиции звуков не издавал, видимо, пробито легкое. Не жилец, отлично.

Навелся на угол дома, за которым оставался последний из этой троицы. Тот не торопился превращать себя в мишень и не высовывался.

Меня снова посетили мысли о второй группе. Давно пора было выбираться отсюда, но я не мог оставить Смоукера без прикрытия.

– Смоук, у меня второй минус, ты какого хера еще не ушел? – прошипел я в микрофон.

– Здесь ебаная стальная дверь, и она, бля, закрыта на три замка, – Смоукер еле сдерживался, чтобы не орать, – взломать уже пробовал, сейчас взорву нахер стену по периметру. Работай, сколько сможешь, потом уходи. Все, не отвлекай, мне обе руки нужны, – отрезал он.

Я отпустил микрофон и прислушался. Не показалось. Где-то справа вдалеке работали движки. Мелковаты для серьезной техники. Бля, ну не с газонокосилками же они воевать пришли?! Звук постепенно становился громче, и, наконец, я краем глаза уловил движение на перекрестке.

Все. Вот и пиздец. По перекрестку на север легкой рысью двигались два четвероногих силуэта.

– Смоук, два «Бульдога» прут с южного перекрестка, расстояние меньше двухсот.

Я понимал, что подгонять его нет необходимости, скорее просто сообщал ему, что максимум минуты через полторы нас обоих можно будет в качестве дуршлага использовать.

«Бульдогов» вживую я видел только один раз, лет шесть назад, на выставке старой военной робототехники. Этих тварей изначально конструировали как переносчиков грузов, сопровождающих пешие отряды, но проект не пошел, финансирование прекратили. Вспомнили о них значительно позднее, когда многие военные операции почти на сто процентов стали проводиться дронами на удаленном управлении и полностью автоматизированными роботами. «Бульдоги» были переоборудованы для ведения боя против живой силы, зачистки территории от партизан. Почти трехметровое тело, больше всего похожее на сильно сплюснутую в горизонтальной плоскости сигару, специально спроектированное, чтобы под большинством предполагаемых углов обстрела вызывать рикошет. Из наплывов на корпусе в верхней части торчали два крупнокалиберных пулемета, которые, поворачиваясь, могли простреливать всю верхнюю полусферу и большую часть нижней. Слепая зона была под «брюхом» в паре метров от центра, но туда еще попробуй доберись.

Встроенные гироскопы позволяли им держать равновесие гораздо лучше человека. Глушилки против них не помогали, где падали или останавливались почти все беспилотники ранних поколений, «бульдоги» продолжали работать, переключаясь на автономные алгоритмы. Единственное, чего, пожалуй, они не умели – это одновременно двигаться и точно стрелять. Собственно поэтому их рекомендовали использовать в парах. Один перемещается, другой ведет огонь.

При всем этом я даже попробовать не мог по ним пальнуть. Нутром чуял, что гад за углом с видеокамерой уже знает, где я нахожусь, и стоит мне только направить оружие в другую сторону...

Сердце бешено колотилось в груди. Адреналин не давал по-настоящему испугаться, хотя по ситуации давно можно было начинать паниковать.

«Бульдоги» замедлились, до них оставалось меньше сотни метров. У ближайшего пулемета начали разворачиваться в мою сторону. Идей у меня больше не было.

Быстро навелся на первого робота и, почти не целясь, выстрелил. Пуля срикошетила от корпуса машины и ушла куда-то в сторону. Из-за угла высунулся «череп», я только и успел, что отскочить от окна и упасть ничком на пол.

С внешней стороны стены шархнул взрыв. Таки саданул из подствольника, сука. На меня посыпалась бетонная крошка, в ушах зазвенело. Я кое-как попытался отползти от фасада. Перед глазамиплыли разноцветные круги, полз почти наугад, подтаскивая левой рукой винтовку, а правой ощупывая пространство перед собой. Сквозь звон в ушах слышался грохот пулеметов, похоже, «бульдоги» обрабатывали то окно, где я был десяток секунд назад.

– Времени нет совсем! Меня накрыли! – проорал я в микрофон, почти не слыша свой голос.

Смоукер что-то ответил. Даже если бы я разобрал – что именно, было уже неважно. Теперь каждый сам по себе.

На случай, если нам требовалось разделить, была договоренность встретиться у схрона на окраине города, где мы оставляли большую часть содержимого наших рюкзаков, чтобы не тащить все на себе в город. И это был первый раз, когда пришлось воспользоваться нашим «планом Б».

Круги перед глазами плыть перестали, но в голове еще шумело. Один из «бульдогов», судя по звукам, перенес огонь на оружейку, доносился звон разносимой витрины, на крупный калибр она рассчитана не была.

Значит, второй робот все еще охотится за мной.

Я кое-как поднялся и начал лихорадочно искать глазами пути к отступлению.

Узкая улочка за развалинами, на которых находился я, несколько невысоких домов рядом и сумасшедшее количество дохлятины. Они были везде. Десятка три, не меньше. Обходили мои развалины справа и слева, направляясь к главному месту действия, ошивались на этой узкой улочке, выходили из домов, вылезали из каждой щели как тараканы. Парочка из них безуспешно, но с маниакальным упорством пыталась забраться ко мне на второй этаж.

Быстро проверил, что кроме этих двух больше никто мной не интересуется, достал «Беретту» и аккуратно успокоил обоих выстрелами в голову.

Я, естественно, не знал, сколько времени понадобится «черепам» с их металлическими зверушками, чтобы меня достать, и это только подгоняло. Сзади стрельба пошла во всех направлениях, работали не только пулеметы, били еще несколько АК. И хотя, по идее, гребанным «черепам» было теперь не до меня, расслабляться нельзя было ни в коем случае. «Бульдоги» легко разберутся с дохлятиной, а за мной может уйти группа людей. Начинать с ними перестрелку, не имея ни малейших преимуществ, было равноценно самоубийству.

Взяв короткий разбег, я сиганул через здоровую дыру между плитами, чтобы оказаться на краю этажа. Оставалось бы только спуститься вниз. Новый взрыв грохнул в самый момент приземления. Я потерял равновесие, и, едва успев сгруппироваться, кубарем скатился к «подножью» развалин.

Зажатая в руке винтовка противно звякнула оптикой о камни и на этом наверняка потеряла гордое звание снайперской.

Секунда ушла на то, чтобы сообразить – все конечности в наличии, и арматурой я себя ни в каком месте не проткнул.

Поднял глаза. Надо мной стоял зомбак. Среагировал инстинктивно, раньше, чем оценил ситуацию. Направил на него винтовку и нажал на спуск. Пуля прошила живот насквозь, зомбак пошатнулся, но устоял на ногах. Идиот, бля! Пистолет тебе на что? Но поздно, сразу несколько мертвецов развернулись в мою сторону.

Не дав нависавшему надо мной гаду опомниться, я повторно выстрелил навскидку. На этот раз пуля попала точно ему в глаз, разнеся вдребезги затылок на вылете.

Подскочил и, перепрыгнув через распластавшееся на земле тело, рванул по узкой улочке на север, в сторону от возможной второй группы охотников за моей головой.

Оставшиеся три патрона расстрелял почти сразу, расчищая себе дорогу, и тут же без сожаления выкинул винтовку. Со сдохшей оптикой и без патронов она стала восьмикилограммовой гирей, которая мешала мне выполнить главную в данную секунду задачу – выжить.

На бегу выхватил из кобуры «Беретту». Двенадцать патронов. Двенадцать раз смогу продлить себе жизнь, если буду использовать их с умом. Конечно, в ножнах на груди покоился нож, но толку от него против такого количества дохлятины будет немного. Все-таки не спец я по рукопашке совсем.

Успел пробежать всего метров пятьдесят, зомбаков становилось все больше, меня то и дело успевали ухватить за штаны, за куртку, от накидки я избавился практически сразу. Вырваться удавалось, но улочка и без того неширокая сужалась, и дальше уже было не пройти. Плюнув, свернул в первый попавшийся переулок. Мать твою, тупик. Сзади топот дохлятины. Куда?

Черный ход в одно из зданий. Дверь металлическая, но замок вшивый. Попробовал с разбегу высадить ногой. Дверь чуть с петель не сорвалась, открыта оказалась, гадина.

Сходу влетел внутрь темного, узкого и довольно длинного коридора, в конце которого маячил свет. Хорошо хоть не подвал. В светлом проеме появилась человеческая фигура. Один из зомбаков был внутри и перекрыл мне дорогу. Назад поворачивать смысла не было, я отлично знал, что меня там ждет. Только вперед.

Уже на бегу выстрелил. Мимо. Еще выстрел. В голову не попал, только в горло. Тем же движением, что вламывался в дом, влетел ногой в грудь мертвеца. Тот, не сумев сохранить рав-

новесие, рухнул на пол, а я оказался стоящим на нем. Наступил на горло, выстрелил в голову. Тот как бы нехотя затих, а я тут же присел и замер, прислушиваясь и осматриваясь.

Похоже, я был в какой-то мастерской, коридор по идее служебный, там наверняка были боковые двери в подсобки, которые в темноте и суматохе я не заметил. Свет пробивался через три больших окна, наскоро заколоченных досками. Не пролезу. Станки, столы, инструменты. Запах плесени и затхлости. Ну, бля, куда дальше?

Наконец, в конце зала я заметил лестницу, ведущую наверх.

Шаги со стороны коридора были все громче, дохлятина спешила на обед. Впереди никаких звуков слышно не было, а потому я устремился к лестнице. Проскочив через тамбур, оказался на лестничной площадке первого этажа. Направо дверь на улицу, и в нее, сука, уже скребутся твари. Да вы самонаводящиеся там что ли?

Попробовал пнуть дверь напротив. Без шансов, закрыта намертво, высаживать разве что со стеной вместе.

Слева наверх вела лестница, но героически сдохнуть на крыше пока совсем не входило в мои планы. На площадке между этажами в окно не пролезть, слишком узко. Внутри похолодело. Что, бля, допрыгался? Куда теперь? Зомбаки уже в тамбуре. Рефлекторно взлетел на площадку между этажами. Дохлятина, отталкивая друг друга, полезла за мной.

– Хантер Смоукеру.

Он выбрал идеальный момент, чтобы выслушать мою последнюю волю.

Схватившись за перила, я ударил ногой ближайшего зомбака, сразу после несколькими выстрелами выключил еще двоих. Они покатались вниз, увлекая за собой остальных.

– Хантер, ответь Смоукеру.

– Да занят я, твою мать! – заорал я, не прикоснувшись к танкетке.

Куча-мала из мертвцов скатилась почти до входной двери.

Это был мой последний шанс. Снял с пояса единственную оставшуюся гранату и, сорвав чеку, закинул вниз. Сам залег на

лестнице, уходящей вверх, зажал ладонями уши и открыл рот пошире. Помогло мало.

Жахнуло так, что я на пару секунд потерял сознание. Когда пришел в себя, ощущение было, будто моей черепушкой играли в футбол. Совсем недавний близкий выстрел из ГП, а теперь еще взрыв гранаты в помещении отзывались в голове непередаваемыми ощущениями адской боли.

Я не вышел – выполз обратно на лестничную площадку.

– Некисло херануло, – прошептал я, увидев последствия внизу.

Весь подъезд был красно-бордовым внутри. Зомбаки, иссеченные осколками, один или два с оторванными конечностями, огромной окровавленной массой шевелились на полу. Меня вырвало, то ли от кошмарного запаха, то ли от контузии.

Внизу в дверном проеме была видна часть улицы, на которой валялась вышибленная взрывом входная дверь, придавившая собой одного из зомбаков. Вторая дверь на первом этаже потеряла часть своей деревянной отделки, практически изогнулась дугой, но выдержала.

Хватаясь за поручни, чтобы не поскользнуться на разбросанных повсюду потрохах, я побрел вниз. Куча из дохлятины слегка оживилась и потянула ко мне клешни. Добив особо упорных из «Беретты», выщелкнул обойму. Один патрон. Еще один в стволе. Отвоевался.

Шатаясь, вернулся обратно в мастерскую. Нашел монтировку и принялся отдиравать приколоченные доски от оконной рамы. За это время меня не побеспокоил ни один херов зомбак. Я бы удивился, если бы не мое состояние. Впрочем, позже я понял, в чем дело. Организм у этих тварей в общем и целом работает так же, как и у нормальных людей, так что оглушить их могло ничуть не хуже. А намазанные толстым слоем остатки дохлятины по всему подъезду почти наверняка перебили мой запах.

– Хантер, ебать тебя в кадык, нажми гребаную кнопку и ответь, пока я не разозлился.

Слух начал возвращаться, и сквозь колокольный перезвон в голове прорезался голос Смоукера. Переживает он за меня, видите ли.

– Нормально все, – прохрипел я в микрофон. – Пустой почти, где-то западнее от оружейки.

Я тяжело перевалился через подоконник и оказался в переулке по другую сторону здания.

– У тебя голос странный, ты там срьшь что ли?

– Нет, – у меня даже не было сил послать его по матери.

– Короче, выйди на проспект к северу от тебя. Только аккуратно, «черепа» идут в том же направлении. Как доберешься, на северо-востоке увидишь гостиницу «Атлантис», надпись есть на крыше, тридцать пять этажей, в этом районе выше только пара-тройка зданий, не ошибься. Вот дуй туда, восемнадцатый этаж, номер восемнадцать тридцать два.

– Принял.

Я не подал вида, но даже контузия не помешала мне слегка охренеть от услышанного. Смоукер не повел бы меня в капкан, в этом я был уверен на все сто, но он бы никогда не выбрал себе резиденцию в гостинице, даже на пару часов. Теперь становилось понятно, как он выбрался из оружейки. Кто-то вытащил его оттуда и привел в отель. Смоукер направил меня туда же, значит, западни он не подозревает. В чем же тогда подвох? Он ведь должен быть, я не сомневался. Ну хоть дохлятины больше не предвидится, с этими ублюдками я наобщался на пару лет вперед.

С севера доносилось редкое стрекотание автоматов. «Череп» шли дальше, даже не попытавшись всерьез мне отомстить. Это было совсем на них не похоже.

Собственно, следы боя на улице с оружейкой – это были следы столкновения на выходе из города конвоя «черепов» со взбунтовавшейся военной частью. Единственный раз, когда они потеряли за один бой больше двадцати человек. Я знал это потому, что мы со Смоукером стояли в оцеплении на карантинном КПП, том самом, через который вырвался из города «покусанный» конвой. Нам повезло поделить сигаретой и переброситься парой слов с одним из «черепов», пока шла химпроверка.

«В асфальт закатаем», – сухо процедил тогда он сквозь зубы. И ведь закатали, практически в прямом смысле слова, насколько я знал, из той военной части живым не ушел никто, вырезали всех, от генералов до солдат.

Отсюда вывод получается только один – на меня просто решили не тратить время и силы, имелась гораздо более приоритетная задача.

Переулок кончился выездом на широкий проспект, и вдалеке на северо-востоке действительно возвышалось здание с огромной синей надписью «Атлантис». Я, вздохнув, с трудом разлепил пальцы на рукояти «Беретты» и ткнул его в кобуру. Оставшиеся два патрона надо было приберечь до гостиницы.

Глава 3

Год первый, зима.

Отец учил меня: «Не бойся быть напуганным, не беги от собственного страха. Ничего не бояться только очень-очень глупые люди. Страх – это твой союзник. Научись его контролировать, никогда не выключай голову, не давай страху руководить тобой и превращаться в панику. И тогда он поможет тебе даже в самой сложной ситуации, когда кажется, что все обстоятельства против тебя».

Мне было тогда лет пять или шесть, в этом возрасте трудно было что-то донести до меня, так что отца я не особо слушал, но нечто подобное он говорил достаточно часто, чтобы, в конце концов, сказанное осело у меня в голове, стало моей собственной мыслью.

И хотя физиологию процесса я узнал значительно позднее, а настоящий сильный страх испытал еще позже, управлять одним из самых базовых человеческих чувств я учился с детских лет. Когда учительница решала, кого вызвать к доске, когда мы с пацанами играли в «войнушку» во дворе, когда я нес двойку в дневнике домой – даже в таких мелких ситуациях я использовал каждый шанс.

Страх мобилизует, мгновенно перестраивая процессы в организме, готовит его к критическим ситуациям. Человек становится сильнее, быстрее и сосредоточеннее. Если не контролировать этот «форсаж», либо проблема, вызвавшая страх, должна разрешиться, либо состояние перерастает в панику. Оценка ситуации сводится к самым примитивным путям решения, причем чаще всего человек выбирает наиболее хреновое из них. Вырастает шило в заднице и непреодолимое желание бежать, делать что-то в то время, когда надо остановиться, глубоко вдохнуть и просчитать варианты, или, наоборот, когда надо действовать, человек замирает, ныряет головой в песок и отказывается дальше принимать участие в событиях, которые чаще всего продолжают раскручиваться и без него, порой с самыми убийственными последствиями. Это была теория.

И как всякая хорошая теория, она не выдержала попадания в глупую голову, в данном случае – мою.

Вместо того чтобы оградить от неприятностей, извращенная моим мозгом идея наоборот подталкивала раз за разом проверять свою психологическую устойчивость в деле. Впрочем, настоящая практика до поры обходила меня стороной, ни в одну серьезную историю вляпаться, вопреки желанию, так и не удалось, не то чтобы я нарывался, но никогда не избегал конфликта. В какой-то момент я подумал, что, возможно, мне придется годами ждать возможности, если таковая вообще представится.

Решение подписать армейский контракт пришло спонтанно, точнее, когда я больше в шутку завел этот разговор со Смоукером, он отреагировал неожиданно живо, чем здорово меня подстегнул.

«Нам дадут стволы, курс рукопашки, абонемент в спортзал, так еще и заплатят за это? Где расписаться кровью?» – энтузиазм моего друга напоминал локомотив на полном ходу. Даже спорить не хотелось, тем более что я себе представлял все примерно в таких же радужных красках.

Дома мы наплели, конечно, что, трезво все обдумав и взвесив, решили всего-то за восемнадцать месяцев заработать себе реальную путевку в жизнь. Впрочем, номинально это даже не было ложью, социальные льготы и привилегии «защитникам Родины» полагались приличные.

Зато девушка моя только пальцем у виска покрутила, заявив, что если выходные я не буду проводить дома, то нахер я тогда вообще такой нужен. Обещал ей выбрать место службы поближе к ее спальне.

Контракт оформлялся на полтора года, из которых в течение первых шести месяцев новобранец проходил «курс молодого бойца», где его тестировали, определяли дальнейший профиль, обучали, экзаменовали и присваивали звание, после чего он отправлялся по распределению защищать всех и вся от вероятных противников.

Контракты делились на две группы, если грубо: боевые и небовые. Соответственно, последние гарантировали достаточно скучное и относительно безопасное времяпрепровождение в ходе исполнения контракта. И единственным условием, с которым нас отпустили из дома, было подписание именно такого варианта. Крыть нам было, в принципе, уже нечем, несмотря на то, что «боевые коллеги» повышались в звании быстрее и получали награды чаще, от этого росли только зарплата и премиальные, все последующие гражданские льготы на уровне до офицерского для обоих типов контрактов были одинаковыми.

Армия все меньше ассоциировалась со словом «служба», становясь просто работой, такой же, как и любая другая, связанная с риском для жизни. На поверхности все еще побеждали «ура-патриотизм» и проморолики про гражданский долг, которые во время окончательного перехода армии на контрактную основу просто заполнили ТВ и интернет. Это было объяснимо, власти всерьез боялись остаться без пушечного мяса вообще.

Впрочем, когда реформы вооруженных сил закончились, истерическая пропаганда любви к отечеству постепенно увяла сама собой, люди вставали в строй, чтобы зарабатывать неплохие деньги и строить карьеру, как в армии, так и после ухода с военной службы.

Именно расчетливыми молодыми карьеристами, двадцатидвухлетними выпускниками вузов хотели видеть и видели нас родители, а не двенадцатилетними балбесами и сорванцами, коими мы были по факту, несмотря ни на какой биологический возраст. И просвещать их по этой теме мы не собирались, отчасти потому, что сами изо всех сил верили в свою взрослость и разумность.

Подписав в военкомате, помимо сотни других бумажек, небоевой контракт, мы стали резервистами, которые только в случае мобилизации уровня «шухер до небес» могли рассчитывать понюхать пороху.

Следующие полгода мы учились и сдавали тесты, тренировались и сдавали тесты, натаскивались и снова сдавали тесты, казалось, что даже спали на время и расстояние. С трудом представляю, какой ад ждал боевых, тренировавшихся в отдельных школах подготовки, если по количеству их было в лучшем случае два из десяти, и во время КМБ отсеивали две трети, в основном, по состоянию здоровья. Но некоторые разрывали контракт и уходили сами, осознав, что армейская жизнь совсем не такая сказочная, как обещали в рекламе.

Реформы в армии привели к тому, что теперь вопрос «чем занять солдата на время службы?» не стоял, скорее «как подготовить охерительного профессионала в кратчайшие сроки?».

Эти шесть месяцев были для меня в разы хуже, чем в институте, за пять с половиной лет в котором гребаная учеба уже сидела в печенках, единственное отличие – теперь грела мысль о том, что я зарплату получаю за свои старания.

Окончив КМБ с достаточно приличными оценками, мы оба получили звание «младший сержант» и несколько опций на выбор, где провести оставшийся год. Руководствуясь принципом «если сами не повоюем, так хоть рядом постоим», выбрали военную разведку и отправились за тысячу километров от родного города, в в/ч самого что ни на есть специального назначения.

Тут мы быстро поняли, чего стоят все наши ожидания и предположения. Я впервые сильно пожалел, что плохо и мало слушал отца, он об армии рассказывал достаточно охотно и без прикрас, но мне, разумеется, тогда казалось, что он служил черт знает когда, сейчас все иначе, что после реформ из нас будут клепать суперменов конвейером.

Буквально за пару недель после распределения по подразделениям мы убедились, кто здесь спецназ, а кто будет ходить в наряд по столовой. Боевые постоянно пропадали где-то на полигонах: ТСП, стрельбы. Они возвращались раз в две недели, отоспаться, помыться, пообщаться с семьями, связь на полигонах вырубали начисто. Там, кроме армейских радиостанций, которые, к слову, прослушивались 24/7, не работало ничего.

Но свой шанс мы со Смоукером получили: резервистов разделили на оперативный резерв и общий. Попав в первый, мы раз в месяц на неделю-две также стали выезжать на полигон, периодически пересекаясь на занятиях с боевыми, отношение которых к нам я всецело почувствовал еще в первый приезд туда. Мы только выгружались из машин, а рядом курившая группа «боевиков» уже пихала друг друга локтями, переговариваясь как бы между собой, но так громко, чтобы мы не пропустили ни слова.

- Глянь, братуха, машины для убийства пожаловали.
- Ага, я слышал, один такой килла с метлой и лопатой роту положить может.
- Хы, секретные учения на продуктовом складе – это вам не в тапки ссать.
- Ты че, салага, какие учения, у них первое правило: «Сильному тренировка не нужна – слабому не поможет».

По их мнению, на иерархической лестнице мы находились где-то между насекомыми и говном, причем насекомые нас опережали с большим запасом. До беспредела никогда не доходило, так что я на все эти тонкости субсоциального обособления смотрел сквозь пальцы, но вот Смоукера подколки на тему классовых отличий сильно задевали, хотя он, конечно, никогда этого не показывал, и уверен, кроме меня, никому не говорил. Он всерьез гордился тем, где и кем он служит, что не отсиживается в общем резерве, добиваясь выполнения любой задачи с максимально возможным результатом. Отделение его с воем и матюками лезло на стену от постоянных бешеных нагрузок, неизменно почти по всем дисциплинам находясь на одном из первых мест по части.

Впрочем, мучиться от вселенской несправедливости в лице боевых контрактников Смоукеру суждено было недолго. Шел пятый месяц службы, когда неожиданно боевые в полном составе убыли в срочную командировку. Все до одного, в течение нескольких часов. Причем они сами точно не знали, куда, в какой-то Усть-Пердьюск, которого на карте с микроскопом-то не найти.

Через несколько дней вся остальная наша часть в срочном порядке, включая гражданский персонал, переехала на полигон, где еще спустя сутки была объявлена мобилизация второй степени. И это на одну ступень выше той самой, которая «шухер до небес», то есть предполагается как бы уже ведение крупномасштабных боевых действий на территории страны.

Сразу после завтрака мы прошли тотальный медосмотр, во время которого нам разве что в жопу с микроскопом не залезли, при этом каждого третьего обследуемого ждало вежливое приглашение в грузовик с красным крестом. Их всех увезли в тот же день куда-то в город, как нас соизволили проинформировать – на дообследование. Никого из них больше мы никогда не видели. Более того, мы окончательно охерели, когда примерно настолько же уменьшился офицерский состав.

Через день на общем построении на плацу командир части перед изрядно поредевшими рядами личного состава толкнул речь, что, мол, настала пора послужить Отчизне, туманно рассказал о надвигающейся террористической угрозе, на всякий случай напомнил о последствиях разглашения государственных тайн, отменил выходные и отпуска.

В курилках стало оживленнее. Версии выдвигались самые разнообразные. Учитывая то, как в армии на самом деле эффективно работает сарафанное радио, можно было уверенно предполагать, что реальной информацией обладало только высшее командование части, если обладало вообще. Даже самому ебанутому параноику не могло тогда прийти в голову связать

разглагольствования о террористах с раздуваемой уже пару недель СМИ по ящику очередной историей про помесь атипичного гриппа с какой-то там птичьей пневмонией.

Еще через несколько дней в городах началась паника, о которой мы много позже узнали только из новостей по ящику.

На узле связи работал брат командира взвода, который после долгих уговоров согласился открыть нам канал для пары звонков, перед выездом на полигон ни я, ни Смоукер, не удосужились связаться с семьями.

Но до родителей, как и до пары друзей из института, я так и не дозвонился, связаться удалось только со своей теперь уже бывшей девушкой. Она ревела в трубку, сказала, что из города проход только через карантинный контроль, на котором ее пропустить отказались. В ответ на просьбы связаться с моими родителями я был истерически послан нахуй, как бесчувственное говно.

Смоукеру не удалось поговорить вообще ни с кем из своих, от чего у него, спокойного как танк, абсолютно ничем не прошибаемого человека, теперь постоянно было такое выражение лица, как будто он на гвоздь наступил.

На следующий день нашу роту повезли на окраину города, рядом с которым была дислоцирована часть, дежурить на карантинном КПП.

По телевизору все происходящее в мире казалось чем-то далеким, нереальным: много громких слов, ни о чем не говорящие цифры, кадры хроники с трясущейся камерой – такие выпуски новостей можно было наблюдать и в любое другое время, разве что слегка пореже.

Мы высыпали из машин на разбитую дорогу, привычно построились, и пока ротный, прохаживаясь вдоль первой шеренги, напоминал нам, псам сутулым, задачу, я рассматривал своими глазами то, что до этого удавалось увидеть только через объективы видеокамер новостных каналов. Впрочем, мир не стал от этого выглядеть реальнее. Скорее наоборот, стало казаться, что я сплю и вижу какой-то отвратительный сон, который никак не желает заканчиваться.

Город был полностью обнесен сетчатым забором, расположенным по внутренней стороне окружной дороги с колючей проволокой поверху и понизу с каждой стороны, который местами в спешке доделывали. Через каждые полсотни метров рядом с забором стоял боец с автоматом. Кое-где с колючки свисали зацепившиеся за нее трупы, метрах в пятидесяти от КПП стоял протаранивший изнутри забор внедорожник. Два столба были вырваны с корнем, видимо, кто-то хотел покинуть город по эксклюзивному маршруту. У авто были прострелены колеса и лобовое стекло в нескольких местах, но тонировка боковых не позволяла увидеть, что стало с водителем и пассажирами. Неподалеку от внедорожника курили три автоматчика.

Сам КПП состоял из системы рентгеновского досмотра грузов, просвечивающей автомобили вплоть до тридцатитонников, и стоявших рядом нескольких больших палаток, связанных между собой гофрированными тоннелями-переходами. Поодаль расположились четыре огромные фуры передвижных лабораторий.

Справа от дороги внутри периметра на обочине стояло в очереди на выезд не меньше сотни частных автомобилей, слева – не меньше тысячи человек на своих двоих. Рядом с очередью по обеим сторонам прогуливался целый взвод автоматчиков в химзащите. Примерно раз в три-четыре минуты из ближней к нам палатки выходил кто-то из беженцев и грузился в один из припаркованных рядом автобусов. Из транспорта через КПП за пределы города за те десять минут, что мы слушали командира роты, проехал только военный грузовик, и то без очереди.

Надо всем этим через установленные в нескольких местах динамики разносилось с частотой раз в две минуты одно и то же объявление: «Граждане, внимание! Для прохода через контрольно-пропускной пункт вам необходимо иметь при себе удостоверение личности, пластиковую медицинскую карту и заполненную форму номер 017–1/у, которую вы можете получить в районной поликлинике по месту жительства или в центральной районной больнице №7. При проходе через контрольно-пропускной пункт сохраняйте спокойствие, детей держите за руку

или на руках, выполняйте все команды медицинского и военного персонала, в противном случае огонь на поражение открывается без предупреждения!»

С каждой секундой этого зрелища мне все сильнее хотелось выйти из строя, порвать на хрен контракт и поехать домой, только вот оказаться сейчас по ту сторону колючки и прицела автомата мне хотелось еще меньше.

Те «небоевые», кто не дежурил на КПП, шли в караул, количество объектов, бравшихся под охрану, выросло раза в два. Караул был гораздо спокойнее, можно было дрыхнуть целый день, никаких тебе буйных в очереди или попыток несанкционированного пересечения периметра.

Однако нашему взводу, и наверняка в числе прочего благодаря отделению Смоукера, отличника хренова, чрезвычайно «везло», каждые вторые сутки мы неизменно отправлялись на КПП.

Впрочем, кто знает, были бы мы готовы ко всему последовавшему, если бы распределение по постам сложилось иначе.

К тому времени, как наше подразделение погнало на КПП, просто перелезть через забор уже никто не пытался. Очень уж красноречиво висели на нем трупы. Их не то чтобы специально не снимали, просто времени и людских ресурсов не хватало. Тем не менее, в мою смену, все время почти почему-то приходившуюся на ночные часы, дважды пытались проехать забор насквозь на автомобилях, один раз это была целая колонна из трех машин. Причем люди были с оружием, пальбу открыли по солдатам, охранявшим периметр, еще на подъезде.

Как только головная машина, взрывая движком, повалила один из столбов ограждения, стандартное объявление в динамиках прервалось резкой командой «Ложись!», и через секунду с находящегося в паре сотен метров снаружи периметра холма шарахнули два РПГ. Первый выстрел попал точно в головную машину, со взрывом превратив ее в огромный факел. Второй прошел рядом, срикошетив от земли, влетел в окно первого этажа жилого дома. Внутри раздался взрыв, и из разбитого окна повалил густой дым.

Потом заорал командир взвода, потребовав стрелять на поражение. Все, кто был относительно поблизости, включая часть взвода, находившуюся на КПП, принялись поливать свинцом оставшиеся две машины. Последняя в колонне с визгом покрышек крутанулась почти на месте и умчалась обратно куда-то в центр города, вторая так и осталась стоять. Видимо, водитель был уже мертв. Открылась одна из дверей, и из машины с истерическим воем выскочила женщина. Впрочем, крик почти сразу оборвался, под плотным огнем она и трех метров не успела пробежать. Пальба продолжалась еще полминуты. Взводный пытался докричаться до солдат, чтобы прекратили огонь, но куда там. И не слышно, и нервы у многих сдавали. Как с цепи сорвались, обстреливали машину, пока она в решето не превратилась, некоторые успели все три выдававшихся магазина извести.

На участке, где из города пыталась прорваться колонна, той ночью в оцеплении стояло мое отделение, один был убит, второй тяжело ранен, и через два дня скончался в госпитале.

Всего через три часа после этой попытки прорыва кто-то из очереди беженцев решил попиздеть «за жизнь» с одним из солдат, слово за слово, дело дошло до фразы: «Тебе там за забором охерительно живется, да, а мы тут в говне полном, так ты мне еще указывать будешь!» Этот хрен бросился на солдата с ножом, тот замешкался, боясь задеть кого-то еще в очереди, и получил колотое в живот. Смоукер, оказавшийся рядом, вскинул автомат и без колебаний отправил на тот свет мужика с ножом, после чего, вместо того, чтобы броситься к раненому сослуживцу, просто заорал: «Медик!», не сводя глаз с людей в очереди. Если кому и хотелось рпнуться в тот момент, под взглядом Смоукера это желание пропало само собой.

– Первый раз человека убил, – сказал он мне после дежурства. – Это нормально, что мне похер?

– Не знаю, – честно ответил я. – Мне пока убивать не приходилось.

Впрочем, я с первым в жизни убийством отстал от своего друга всего на два дня. В следующую смену я вместе с отделением под руководством командира взвода лично, психолог в штабе решил, мол, у меня может быть психологическая травма после произошедшего, дежурил внутри основной палатки, через которую проходили эвакуируемые.

Для того чтобы снизить нагрузку на КПП по диагностике, желающие эвакуироваться должны были получить в своей поликлинике, где организовывались мобильные медпункты, заключение врача по форме 017-1/у, только потом проходить повторный анализ на КПП, просто чтобы можно было удостовериться, что по дороге от поликлиники он не успел прихватить с собой заразу. У кого бы я ни спрашивал, никто, толком не мог объяснить, что именно эскулапы искали на тестах, только знал, что это были следы от пребывания в мозгу каких-то личинок паразитов, как объяснил один из медиков, то ли бычьего, то ли свиного цепня.

В палатку зашла молодая семья: папа, мама и годовалая дочка у папы на руках. Уселись за второй стол, пошла регистрация. Доктор забил все данные в ноутбук, сверил номера карт и потянулся к ламинатам форм. «Аа где...» – начал он. Отец семейства, бойкий парень, тут же передал дочурку жене, наклонился к доктору: «Да-да, конечно, можно вас буквально на пару слов? Тут такое дело, понимаете...» – тихо и с нажимом начал он, заводя доктора за ширму.

Я сделал пару аккуратных шагов по направлению к ширме и прислушался. Это заметила девушка и тут же, обняв дочурку, окликнула меня: «Молодой человек, извините, пожалуйста, а вы не покажете нам, где тут у вас туалет?» Фокус я понял, и жестом показал одному из моих бойцов заняться проблемой, а сам снова обратился в слух. Девушка смотрела на меня со смесью растерянности и отчаяния.

За ширмой вполголоса, но ожесточенно спорили.

– Да поймите вы, у нас вегетарианская семья, какое к чертям мясо...

– Я вам еще раз говорю, дело не только в мясе, мне в любом случае нужен документ.

– Ну нету у меня его. Ваш хренов тест не работает нормально при повышенной температуре, а Оксанка простудилась три дня назад, понимаешь ты или нет?!

– Тогда лечитесь, приходите, когда выздоровеете...

– Доктор, у тебя дети есть? Ей год и три месяца, я ее в этом аду лечить должен? Ты хоть в городе был, знаешь, что там творится?

– Это меня не касается, – с этими словами доктор вышел из-за ширмы.

– Теперь, сука, коснется! – прошипел парень, догнав его, крепко поймав в захват левой рукой того за шею, прикрывшись им, как щитом, а правой приставил неизвестно откуда взявшийся карандаш ему к глазу.

«Вовремя взводный пожрать пошел», – только и успел подумать я, снимая автомат с предохранителя. Все отделение заученно взяло парня на прицел.

Визор костюма химзащиты на докторе был из тонкого пластика и вряд ли смог бы оказать достойное сопротивление проникающей способности остро заточенного карандаша.

– Саша... Не надо... – пролепетала девушка уже явно в полуобморочном состоянии. Единственное, что ее сейчас удерживало от потери сознания, была сидящая у нее на коленях дочурка, которая, не мигая, совершенно круглыми глазами смотрела на папу.

– Лена, помолчи, – оборвал ее муж, оскалившись, – бери Оксанку, мы сейчас уходим. – Он явно чувствовал себя хозяином ситуации. – Все слышали?! Мы сейчас все вчетвером уходим, и никто из вас, падлы, не двигается с места, ясно?!

– Слушай меня внимательно, гондон, – к собственному удивлению спокойно обратился я к новоиспеченному террористу. – У тебя ровно десять секунд, чтобы перестать выебываться, взять жену, ребенка, и бодрой трусцой вернуться в город. Врача можешь с собой забрать, мне на него плевать, зато тебе наверняка не плевать на свою семью. Осталось пять секунд.

Парень не был профессионалом. Он на какую-то секунду ослабил хватку, отвел от меня глаза и посмотрел на дочку. Этого мне вполне хватило. Выстрелом в голову уложил на месте.

Жена его все-таки упала в обморок. Дочка захныкала, но вряд ли поняла ситуацию, скорее просто от громкого звука выстрела.

Медик, поняв, что реальная угроза миновала, перестал изображать статую и набросился на меня чуть ли не с кулаками, обещая пиздюлей от начальства вплоть до расстрела за наплевательское отношение к его безопасности. У лежащего с дыркой в башке террориста-неудачника подергивались пальцы, как будто он все еще тянулся к валяющемуся рядом карандашу.

Нет, я бы хотел, наверное, его отпустить, уверен был, что в той ситуации можно было договориться, если бы у меня был вагон времени. Впрочем, даже это было не так важно, во время службы у меня на все случаи жизни имелась четкая инструкция, и она не предусматривала ведение переговоров.

Вбежавший в палатку старлей, увидев, что ситуация уже не требует экстренных мер, успокоился, наорал на медика, да так, что тот извиняться ко мне пришел потом, посмотрел запись с камер наблюдения, после чего снял меня с дежурства и отправил в санчасть писать объяснительную. После чего я имел трехчасовую беседу с психологом, из которой я так и не понял, должен ли я ощущать себя виноватым, потому что чувство вины – это нормально в такой ситуации, или думать, что я был втянут в последствия чужих решений, и мой выбор не имел дилеммы с морально-этической стороны в силу установленной для меня социальной роли.

«Да все ты правильно сделал», – сказал Смоукер после смены в курилке, протягивая мне сигарету. «Все вещи в этой жизни делятся на приоритетные и неприоритетные. Ты вот приоритеты расставил верно. Он – нет. А своим самокопанием можешь подтереться, реально в ситуации уже ничего не изменишь».

Я закурил и промолчал. Перед глазами еще стояло лицо маленькой девочки, потерявшей отца, которой вряд ли уже суждено было повзрослеть. Ее с матерью ближайшим транспортом переправили в седьмую больницу, которая еще какое-то время должна была охраняться, пока не закончится эвакуация.

Я совершенно не думал об этом в момент, когда стрелял, да и до момента тоже. Этот день врезался в память потому, что в первый и последний раз меня поразило собственное поведение, насколько я был спокоен, и как легко мне далось решение выстрелить.

Сильно сомневаюсь, что за это стоило благодарить армейских психологов, наверняка нас по-тихому кормили какой-нибудь дрянью, но даже при этом многие из моих сослуживцев стали медленно съезжать с катушек. Причем депрессия, неадекватное поведение и драки без повода – это были только цветочки. Я слышал как минимум о двух случаях, когда бойцы во время дежурства открывали огонь по своим, причем один из случаев произошел на КПП, где, помимо двух солдат, были застрелены еще пятеро гражданских.

Тогда я списывал все на стресс и слабую психику.

Спустя несколько дней в часть пришел ответ на мой запрос о родителях, моей девушке и паре приятелей, можно было указывать до пяти человек в списке. Один из друзей числился среди мертвых, остальных не было ни там, ни в списке эвакуированных. Впрочем, мне еще повезло получить хоть какую-то информацию, примерно половина запросов оставалась вообще без ответа.

Почти в это же время КПП окончательно заблокировали, прекратив эвакуацию, из города выезжали только по особому распоряжению, безо всяких дополнительных проверок. Мобильная лаборатория уехала вместе со всем оборудованием, на месте остались только пустые палатки.

В первые же сутки очередь выросла раза в четыре, люди требовали пропустить всех, потом умоляли пожалеть хотя бы детей, в конце концов, попытались пройти силой. Ценой нескольких убитых и раненых с обеих сторон очередь удалось разогнать.

Зима сменила, наконец, осень, ударили морозы и выпал снег, который лег практически с первого раза. По ящику уже давно работал только один государственный канал, вся программа

которого состояла исключительно из выпусков новостей, в которых, в общем-то, говорилось одно и то же. Никаких подробностей, изредка сухая статистика и инструкции по действиям при ЧС. Чаще рассказывали о положении дел за рубежом, но эти репортажи также не сильно отличались деталями.

За все время не было сказано ни одного слова о причинах, и ни слова о том, с чем нам в конечном итоге предстояло иметь дело. Об оживших мертвых говорили только на уровне слухов, что вместе с другими не менее идиотскими версиями про инопланетян, бактериологическое оружие и кару господню нормальными людьми всерьез не воспринималось.

После закрытия КПП наш взвод, разумеется, не остался без дела, мы почти сразу попали в караул, охранять склады с боеприпасами.

Территория была не очень большая. На наши отделения пришлось по четыре вышки в периметре. Погода стояла отвратная, вроде снег выпал только пару недель назад, а метель завывала чистой воды февральская. Сильный ветер, мороз и херовая видимость, человеческую фигуру перестаешь различать на расстоянии всего в пару десятков метров. Из-за погоды начались перебои со связью с частью, и когда в положенные восемь вечера наша смена на объекте не появилась, всерьез мы занервничали далеко не сразу.

– Посты центральному, доложить о несении службы, – радейка на столе ожила голосом командира взвода.

– Второй пост без происшествий.

– Шестой пост без происшествий.

– Первый пост без происшествий.

Я повторил установленную формулировку, отчитавшись за пятый пост, и продолжил свое занятие, требовавшее недюжинного терпения, координации и самообладания, а именно – пытался найти положение равновесия, сидя на стуле с опорой только на две его ножки.

– Четвертый пост центральному. Четвертый пост, центральному ответь.

Заснули они там что ли? Я попытался рассмотреть соседнюю вышку через окна своей, но не увидел ничего, кроме мельтешения снега снаружи.

Наконец старлею надоело надрывать глотку.

– Пятый центральному.

Я дотянулся до тангетки.

– Пятый на связи.

– Пробегись до четвертого, разрешаю применение пыток насильственным лишением анальной девственности, если через три минуты я не услышу от них доклада.

– Понял, принял, – ответил я и, отпустив кнопку передачи, оглянулся на мирно посапывающего на соседнем стуле солдата, – Рязанцев, подъем!

– А? Что? – рядовой Рязанцев дернулся, оторвав голову от сложенных на столе рук, чуть с места не подскочил.

Его способность засыпать меня поражала. Мы с ним говорили минут шесть назад, сна у него не было ни в одном глазу.

– За старшего, на четверке, похоже, то ли от тебя заразились, морды плющат, то ли в проеб ушли, взводный командный голос уже сорвал.

Я поднялся, надел куртку, подхватил со стойки автомат и вышел на улицу. Метель снаружи поприветствовала меня пронизывающим порывом ледяного ветра, от которого на секунду перехватило дыхание. Я не успел пройти и половины лестницы, ведущей к земле, как вдруг где-то над деревьями снаружи периметра, как раз в районе четвертой вышки, вспыхнул огонек сигнальной ракеты. Затем раздался выстрел. Еще один. Дальше пошла настоящая пальба. Короткие очереди, пара штатных АК, таких же, какой был у меня в руках. Я замер, прислушиваясь. Ответных выстрелов не было. Но четвертая вышка продолжала поливать огнем

неизвестного противника. Я взлетел по лестнице обратно, распахнув дверь, ворвался внутрь вышки и подскочил к радиостанции.

– Центральный пятому.

Замер. Молчание. Снаружи продолжали стрекотать автоматы.

– Центральный, ответь пятому!

Грохнул взрыв. Где-то там, откуда доносились выстрелы. И тут же, как отголосок, будто эхом донеслась стрельба со стороны КПП. Твою мать, да что происходит-то?!

КПП объекта, где находились главные ворота и, собственно, караулка, по радейке не отвечал.

Сигнала тревоги взводный не передавал, сирена молчала, но с такой пальбой вариант с заблудившимся грибником отпадал. Так. Перестраховаться. Еще пару секунд промедлил, формулируя в голове фразу, затем поднес ко рту микрофон.

– Внимание постам! Боевая тревога! Внимание постам! Боевая тревога! Первый, второй и седьмой, резерв к центральному, старший второй. Шестой и третий, резерв к четвертому.

Тем временем Рязанцев выполнял команду «в ружье»: опускал стальные шторы с бойницами и врубал освещение. Теперь три мощных прожектора били светом в близлежащий лес. После этого он снял оружие с предохранителя, взвел затвор и с немым вопросом в глазах уставился на меня.

– По обстановке, – выдохнул я и выскочил на улицу.

До четвертой вышки было метров сто пятьдесят, но по такой погоде у меня ушло больше минуты, чтобы добраться до нее. Часовой стоял у подножья вышки с одним из солдат отдохнувшей до боевой тревоги смены третьего поста. Он не стал со мной играть в уставные реверансы. Так что я, не останавливаясь, добежал до вышки, периодически утопая по колено в снегу, и рванул наверх по лестнице.

– Вы че, воины, слабанули?! Круговую, живо! – прикрикнул я на солдат внизу между вдохами.

Они подбежали ближе к забору и засели за металлическими бортами с амбразурами, примыкавшими к вышке с каждой стороны. По дороге со стороны шестого поста, периодически поскользываясь на ледяной корке неглубокой колеи, бежал еще один боец.

Я почти взлетел по последнему пролету на вышку и распахнул дверь. Темно. Вентиляция то ли не работала, то ли ее забыли включить, клубы порохового дыма витали по помещению.

– Да ебать же, так не бывает! Магазин еще дай, ща я из них решето сделаю!

Оба солдата стояли у бойниц, практически не отрывая от них взгляда, и перезаряжали автоматы.

– Отставить! – прикрикнул я на них с порога, – вы совсем тут ебанулись? Фитиль, что за херня происходит?

Они, наконец, обратили на меня внимание. Фитиль, огненно-рыжий, похожий на ирландца парень, старший четвертого поста, нервно почесал затылок и сбивчиво начал пытаться объяснить ситуацию.

– Сержант, это не люди, отвечаю. Не-не, мы все по правилам сделали, орали, чтобы остановились, долго орали, потом в воздух предупредительный, а они прут и прут. Ну мы это, ебанули по ним. Попали, точно попали, а им похер, как бессмертные, бля. Гранату закинули, а они...

– Так, разряжай, оружие на стол! Почему на связь не вышли? – спросил я, хотя с первого взгляда на радейку все было понятно. Основной и запасной аккумуляторы лежали на столе отдельно от радиостанции.

– Да она как раз разрядилась, а... – начал второй боец, Крапивин, кажется.

– А сменить аккумулятор или пешком до моей вышки сбегать мозгов не хватило, – закончил я за него. – Показывайте, в кого стреляли.

Вроде не пьяные, и дурью на вышке не пахнет, только порохом. Я прильнул к бойнице и посмотрел туда, куда указывал Фитиль. У крайнего ряда деревьев действительно маячили две человеческие фигуры, медленно, но верно продвигаясь все ближе. Наверняка этого вольные стрелки херовы не заметили, но одеты нарушители были в камуфляж.

– Дайте направленный на них, – сказал я и достал складной бинокль.

Бойцы метнулись к ручкам, управлявшим прожекторами, направляя лучи на двоих у леса.

Изрешеченные таким количеством пуль, что точно не имеющие никакого отношения к живым, к периметру медленно шли помощник начальника караула и один из солдат следующего наряда, того, который уже больше полутора часов назад должен был нас сменить.

– Е-мое, что ж происходит-то, а? – выдавил из себя Фитиль, яростно почесав затылок.

Я промолчал. Несмотря на то, что, глядя на бредущих к нам мертвецов, мне хотелось орать и сверкать пятками в безопасную сторону, мир в мой голове не перевернулся, происходящее не показалось чем-то сверхъестественным. Скорее наоборот, последние недели вдруг обрели какой-то смысл, ебанутую на всю голову, но все же логику.

– Вы че тут, в уши долбитесь?! – с этими словами в помещение ворвался Смоукер, вызвав у меня дежавю. – Радейку вообще не слышите, охламоны.

– Сдохла радейка, – мрачно ответил я за охламонов.

– Ну, вам охерительно повезло, что вход на склад со стороны вашей вышки. Эти твари прошли ворота, их до хрена, и через пару минут они будут здесь. Да, кстати, если кто еще не в курсе, разговаривать с ними бесполезно, мы их больше в качестве обеда интересуем. Попробуем закрыться на складе, хотя бы до утра. Если есть идеи получше – выкладывайте, нет – выдвигаемся.

– Какие твари, какого к херам обеда, что ты несешь? – спросил я.

Смоукер будто ждал этого вопроса и ответил без паузы.

–обеда, еды, короче, я был рядом с КПП, когда открыли ворота. Они бросаются, сбивают с ног и жрут заживо.

Бред. Это какой-то полнейший бред. Эпидемия бешенства или нечто подобное могла бы как-то объяснить поведение, но не способность игнорировать огнестрельные ранения в таких количествах.

Смоукер молча сверлил меня взглядом. Если он прав, сейчас нет времени искать объяснение происходящему, в эту минуту можно лишь принять правила игры в том виде, в котором они были изложены.

Диалог невозможен, единственный выход с территории перекрыт, забор под током, отключить его отсюда не удастся, связи нет, и ко всему прочему...

– Их убить вообще реально? – подал голос Крапивин, который вместе с Фитилем пару минут назад бился над решением этой задачи.

– Мне кажется, что они и так не живые ни разу. Выстрел в голову вроде работает, но не всегда, без гарантии, – отмахнулся Смоукер, не сводя с меня взгляда.

– Ладно, – вздохнул я, – мне нужно забрать своих людей с вышек.

– Не успеешь, давай без геройства, там относительно безопасно, если запрут наверху. А утром будем думать, как их вытаскивать.

– Хорошо, согласен, погнали.

Пока спускались вниз и отпирали склад, выстрелы стали раздаваться с ближайших к нам вышек. Смоукер оказался прав, времени было в обрез, мы едва успели закрыть за собой дверь.

Только в тот момент я сообразил, что надо было притащить с собой радиостанцию с вышки, теперь мы вообще не представляли, что творится снаружи, и не имели связи с оставшимися бойцами на вышках.

Впрочем, очевидно, что все находились примерно в одинаковых, очень херовых условиях. Со склада, конечно, выходов было несколько: дверь, пара ворот, но все это примерно в одном месте. Тихо съебаться огородами можно было даже не рассчитывать.

Побродив в полумраке по лабиринтам стеллажей, отыскивали ящики с патронами нужного калибра. Магазинов к своим автоматам не нашли, так что патронами просто набили карманы.

На складе стоял откровенный мороз, отопление по вполне понятным причинам отсутствовало. Часа через полтора стало понятно, что дальше согреваться физическими упражнениями бессмысленно, только силы тратить.

Разломали несколько поддонов, ящиков, и, вопреки всем требованиям безопасности, развели костер. Квадратура у помещения была серьезная, естественной вентиляции хватало, чтобы дым почти не накапливался.

Смоукер первый раз за все время закурил, я попросил у него сигарету и отвел немного в сторону от скучковавшихся у костра солдат.

– Что дальше, есть идеи? – вполголоса спросил я.

– Можно пересидеть здесь, пока не подойдет помощь, хотя есть у меня подозрение, что хер тут кто появится даже через неделю.

– Не факт, хотя я тоже не рассчитываю. Надо выбираться отсюда как-то. Замерзнем, сука, раньше, чем оголодаем.

– Только ты понимаешь, что мы себе приговор сейчас подпишем? Во время мобилизации оставим охраняемый объект, это трибунал.

Он облокотился на стеллаж и рассматривал потолок, видимо, в поисках подсказок.

– Да, но мы и без того в полной жопе, разве нет? – задал я риторический вопрос. – Тревожная кнопка сработала, и где же наша доблестная, мать ее, «кавалерия»? Нет ее, хотя вертушка передовой группы должна примчаться максимум через сорок минут. Вывод – либо в части всем на нас похуй...

– Либо за пультом в штабе никого нет, – закончил он за меня.

– Ждем до утра, дольше смысла нет. Если выберемся, выйдем на трассу и до ближайшего населенного пункта. Дальше разберемся.

– А отсюда ты как, бля, собираешься вылезти? – усмехнулся Смоукер.

– Не знаю, – признался я и, последовав примеру друга, подпер стеллаж плечом.

– У меня есть пара мыслей, – оживился вдруг он, – я видел этих тварей недолго, но очевидно, что от мозгов у них ни хрена не осталось. Да и бегают они медленно.

Я перебил его, предложив самый незамысловатый вариант из возможных.

– Может, откроем дверь и перестреляем всех нахуй? Патронов выше крыши.

Смоукер покачал головой.

– Их там не меньше сотни, может, больше. У двери вряд ли все вместе, но громкие звуки их привлекают, похоже. У нас у каждого всего по два снаряженных магазина. А нормальных стрелков здесь три-четыре человека, включая меня с тобой.

Это верно, да. Кроме прочего, если стрелять надо только в голову, шансов у нас маловато.

– Выкладывай свои мысли.

– Из стеллажей строим стену, вот отсюда, – Смоукер показал рукой на промежуток между дверью и воротами, – и вглубь почти до конца. Открываем дверь, они попрут сюда. Заманим этих гадов, сколько сможем, а сами выскочим через ворота и будем молиться, чтобы снаружи их хотя бы поблизости в тот момент не было.

План был бредовый. Просто хотя бы потому, что за воротами их могло оказаться не меньше. Но я не мог придумать ничего лучше, поэтому просто кивнул в знак согласия.

– О'кей, мы-то с тобой договорились, а с ними что? – я кивнул на греющихся у костра бойцов.

– Ты сержант, или где? – криво ухмыльнулся Смоукер. – Приказы не обсуждаются.

Я глубоко вздохнул, но спорить не стал. Он вряд ли видел ситуацию так, как видел ее я, и объяснять ему все тонкости было бы бесполезно.

Мы затушили бычки и вернулись к костру.

Да, армейский закон гласит – приказы исполняются, а не обсуждаются. Но как насчет незаконного приказа, который идет вразрез всякому уставу? Эта проблема никогда не вставала передо мной, несмотря на огромную разницу между написанным на бумаге и тем, что существует в реальности.

Мало того, каждый из десяти сидящих перед нами солдат, обязанных выполнить любое наше поручение, думал сейчас более всего прочего о том, как вернуться домой живым и здоровым к семье, друзьям и любимой девушке. В конце концов, даже при удачном раскладе наши действия будут являться дезертирством чистой воды.

Впрочем, решать проблемы надо по мере их поступления, и сейчас основная задача – выбраться со склада. Для начала я должен был удостовериться, до того, как откроем дверь и впустим сюда ад снаружи, что страх не управляет этими пацанами, а работает на них. Но если нет...

– Хант, когда нас отсюда вытащат? – подал голос Рики, самый молодой из моего отделения.

Видимо, это и являлось сейчас главной темой обсуждения, потому как остальные подняли глаза на меня со Смоукером.

– Скорее всего, уже не вытащат, – без выражения ответил я.

Лица у них помрачнели. Но я не собирался их подбадривать. Наоборот.

– Мы расходный материал, нас кинули. Если кто хочет поиграть в самопожертвование во имя родины, и до трупного окоченения охранять ящики с ржавеющими патронами, – вперед, возражать не буду.

– Да ладно тебе, Хант, мы не на Северном полюсе, – осклабился Ляховцев, – сейчас повсюду такое дерьмо творится, мы у них не в фаворе, ну и че? Они прилетят, никуда не денутся. Разведка своих не бросает, ебта!

Ляха был наивен как второклассница.

– Мы ждем до утра, потом выходим. Попробуем сами до части добраться, – как будто не услышав его, сухо закончил я.

– Куда выходим, бля?! – скривившись, вскрикнул Глебов. Аж с места подскочил. – Ты там не был, бля, а я был, я видел! Мы дверь откроем, они нас сожрут всех к ебени матери!

Несколько солдат автоматически скорчили такую же, как у него, гримасу.

– Муха, отставить визг, сейчас мертвые сбегутся в полном составе.

– Че, смелый охуенно, да? – Глебов сверкнув стеклами очков, смерил меня взглядом. – Ты что ли, сука, дверь открывать будешь?!

Он был на грани с самого начала. Готов был вспыхнуть от малейшей искры. Вопрос в том, один ли он такой?

– Я открою, веришь? – Смоукер вряд ли понял идею, но решил мне подыграть.

То, что его на слабо поймать невозможно, я отлично знал. Блеф по-хорошему был очевидный. Но только не для человека в истерике.

Он пошел к двери. Ровной неторопливой походкой человека, принявшего решение.

Глебов хотел что-то сказать, но получалось у него только беззвучно открывать и закрывать рот, как у выброшенной на берег рыбы. Он стоял и как замороженный смотрел на Смоукера.

Тот уже дошел до двери, рука потянулась к массивному засову.

Остальные солдаты, кроме Фитиля, повскакивали со своих мест. Этот в своем сержанте был уверен на все сто и просто ждал окончания спектакля.

Вдруг, как по команде, Муха опомнился, сорвался с места, подхватил свой автомат и прицелился в Смоукера. Я с опозданием на долю секунды взял его на прицел. Все тут же шарахнулись от Глебова в стороны.

– Стой, бля, убью! – автомат в его руках ходуном ходил, он бы в жопу слона не попал с метра в таком состоянии, но я решил не рисковать.

– Ты хорошо подумал? – спросил я насколько мог спокойным тоном и одновременно, целясь в Муху, сделал несколько скользящих шагов влево, чтобы в случае чего меня и Смоукера не скосило одной очередью.

– Заткнись! – крикнул мне Муха, и снова Смоукеру. – Отойди от двери!

– Пацаны, вы че, вроде не бухали еще, – Ляха попытался разрядить обстановку, – хорош членами мер... – с этими словами он сделал шаг к Мухе, но так и замер, на полуслове и полустапе. Автомат Глебова смотрел теперь ему в грудь.

– Да вы что, не понимаете нихера?! Они нас угробить хотят!

Я почувствовал, что еще немного, и он реально шмальнет в кого-нибудь. Дальше отпустить ситуацию было нельзя.

– Ладно, – прервал я Глебова, – ты выиграл. Раз пошла такая пьянка, устроим демократию, решим голосованием, уходить или оставаться.

– Каким нахуй голосованием?! – заорал он, снова развернувшись ко мне. – Я щас любого порешу, кто к двери подойдет, понял?!

– Муха, – вкрадчиво начал я, – пока ты, размахивая автоматом, отстаиваешь свои права, это нормально, могу понять. Но если, угрожая жизни, заставляешь своих сослуживцев что-то делать, ты становишься террористом, а они – твоими заложниками. И тогда я без всяких разговоров всажу пулю тебе в жбан, и все здесь присутствующие меня в этом поддержат.

– А то, – ввернул Смоукер. С его стороны раздался щелчок предохранителя.

Глебов очень хотел что-то гневное ответить, открыл рот, набрал было воздуха в грудь, но ответить ему было нечего. Выдохнул, сглотнул. Превратившись из борца за справедливость в кандидата номер один на трибунал, он как-то даже потух.

Оставалось закрепить успех.

– Когда будете думать, – обратился я уже ко всем, – учтите, что вертушка должна была прилететь уже час назад. Даже если мы у них не в приоритете, они должны были сделать облет без высадки. И еще учтите, что отравление угарным газом легко не заметить вовремя, если будем и дальше костер жечь, то подохнем до полудня, а если не будем – замерзнем насмерть. Ну что, есть желающие подождать ебаное подкрепление?

Неожиданностей не произошло, проголосовали одиннадцать к двум. Вторым на стороне Глебова, по его словам, был здравый смысл. Возражать никто особо не стал. Автомат только отобрали.

Снаружи продолжали скрестись и биться в закрытые двери, но уже дежурно как-то, будто нехотя. В какой-то момент я даже сам забыл про эти звуки, как забывают про шум дождя, если достаточно долго его слышат.

Стену из стеллажей удалось закончить только к шести утра. Через пару часов должно было светать, так что времени на сон уже практически не оставалось. Хотя вряд ли бы кто-то смог спокойно сомкнуть глаза при таких обстоятельствах. Половина людей сидела плотным кольцом вокруг костра и курила. То ли за неимением водки, то ли переживали, что на том свете курева не найдут. Остальные бродили по складу, как будто в надежде обнаружить скрытый тоннель в светлое будущее или хотя бы радиостанцию.

Я тоже от нечего делать побродил так какое-то время, даже наткнулся на вполне рабочий карманный фонарь, забытый кем-то в одном из шкафчиков, предназначавшихся для хранения спецовок и инструментов.

В животе уже в который раз заурчало, но предложить желудку мне было абсолютно нечего. В караул каждому выдавали по одному сухому пайку, и все выданное было съедено и выпито еще днем, потому как вечером мы должны были, по идее, вернуться в часть на поздний ужин.

Чтобы хоть как-то отвлечься, сел чистить автомат. Руки быстро коченели от общения с ледяным металлом, приходилось периодически прерываться, чтобы их отогреть. Мерзли зубы, которыми приходилось держать найденный фонарик, за небольшой пятак рядом с костром свет не проникал. Процесс от этого шел очень медленно, впрочем, я никуда не спешил. Никогда не понимал идеи нормативов по разборке и сборке оружия на время. Ну, то есть, разбираешь за двенадцать секунд, потом полчаса тщательно чистишь, после чего за двадцать секунд собираешь. Бред. А если эти скоростные манипуляции нужны, чтобы неисправность в бою устранить, тогда стоило, видимо, солдат с простейшими вариантами этих самых неисправностей знакомить. Только ни одного норматива на эту тему я не...

– Слышь, ты там дыру протрешь.

Надо мной стоял Смоукер и протягивал мне флягу.

– Что это? – я с сомнением покосился на нее, не отвлекаясь от процесса чистки.

– Это, – он выдержал театральную паузу, всем своим видом показывая, как ему оскорбителен вопрос, – благородный спирт, подкрашенный не менее породистым чаем, в простонародье – коньяк.

Я принял флягу и, запрокинув голову, сделал пару хороших глотков. Коньяк оказался далеко не первосортным, но ничего общего с крашенным спиртом не имел.

– Хорошая хрень, – признал я.

Смоукер ухмыльнулся довольно, мол, фирма веников не вяжет.

Когда я, наконец, собрал автомат воедино, из-под дверей ангара начал пробиваться свет. Решающий момент настал. Не сговариваясь, все собрались и подтянулись к выходу, даже Глебов, который, тем не менее, являл собой полнейшую обреченность. Отсутствие у него оружия дополняло образ приговоренного к смертной казни.

Смоукер встал возле двери, все остальные, включая меня, расположились полукругом метрах в десяти, прицелившись в дверной проем. Смоукер бегло окинул нас взглядом, кивнул и потянул на себя задвижку, после чего толкнул ногой дверь и тут же отбежал на безопасное расстояние.

Дверь со скрипом распахнулась, в проем ворвался солнечный свет, на какой-то момент меня ослепивший. Снаружи не раздавалось ни звука, в проеме никого видно не было. Прошла минута, вторая. Нервы были как натянутая струна, вряд ли кто-то был готов к такому развитию событий. Смоукер снова пошел к двери, ступая как можно тише. Ему оставалась всего пара метров.

Мимо двери снаружи прошел человек в камуфляже. Очень похожей на смоукеровскую мягкой походкой. Замер, зачем-то принялся, и двинулся дальше, исчезнув за косяком.

Глебов шумно выдохнул: «Свои!» – и рванул наружу. Он выскочил через дверь и побежал в сторону, куда ушел человек. За ним никто не дернулся, никто не попытался остановить. Еще несколько секунд гробовой тишины. И вдруг где-то снаружи раздался его вскрик. Выстрел. Кто-то из нас пальнул от неожиданности.

– Идиоты, блядь! – зашипел Смоукер, шарахнувшись от двери. – Кретины недоде...

И почти тут же в дверной проем хлынула лавина этих ублюдков. Мы, пытаясь сохранить хоть какое-то подобие боевого порядка, отступали вглубь помещения, поливая их длинными очередями.

Ляховцев споткнулся, растянулся на полу, вскочил и тут же получил шальную пулю в грудь.

– Куда палите, долбоебы, глаза разуйте! – проорал я, пытаюсь перекричать десяток автоматов.

Ляха не шевелился. Несколько тварей в первых рядах накнулись на него, остальные, спотыкаясь об них, шли дальше. В головы мы попадали редко, количество прущих на нас практически не уменьшалось, а через открытую дверь забегали все новые и новые.

Дойдя до конца стены из стеллажей, мы прекратили стрельбу и галопом понеслись к дальним воротам. Смолов добежал первым и вцепился в засов и дернул в сторону. Тот даже не шелохнулся. Секундой позже к нему присоединился Рики, и они вдвоем пытались решить эту задачу.

Ублюдки уже добралась до поворота, и не занятые вопросами проржавевших засовов, сменив магазины, снова открыли огонь. Глаза после яркого света не успели снова привыкнуть к полумраку ангара, поэтому поливали чуть ли не на ощупь. Эффективность соответствующая.

– Ну, долго вы еще возиться будете?! – крикнул Крапивин.

– Сейчас! Почти! – ответил Рики.

Между нами и тварями оставалось всего метров двадцать, когда, наконец, раздался скрежет металла засова. Смолов навалился что есть силы на ближнюю створку, и та нехотя начала открываться. В образовавшийся проем на него с улицы кинулся один из этих уродов. Они сцепились. Смолов попытался его оттолкнуть, но гад крепко вцепился в куртку, и они вдвоем кубарем выкатились наружу. Рики, не раздумывая, выскочил за ними.

– Все, погнали, живо! – крикнул я остальным, и сам выбежал из здания.

Со вчерашнего дня как будто ничего не изменилось, та же наблюдательная вышка, тот же сетчатый забор, те же сугробы и обледеневшая дорога с глубокой колеей. Разве что сотня-другая мертвецов разгуливали по территории.

Рики удалось со второй попытки попасть гаду в голову, первый выстрел пришелся Смолову в руку. Тот громко мыча от боли, поднялся. Сквозь окровавленную щеку у него просвечивали два зуба. Мертвец все-таки успел урвать свой кусок напоследок.

Тем временем весь наш слегка поредевший отряд высыпал наружу. Последними выскочили Фитиль и Смоукер, закрыв за собой створку ворот и прижав ее спинами.

Крапивина не было. Он остался внутри, но я даже не стал ничего спрашивать.

Быстро огляделся. Перед дверью в ангар скопился еще десяток мертвецов, некоторые из которых развернулись на нас. Еще несколько уже двигались к нам от забора и ближайшей вышки.

– Оружие за спину и бегом, стрельбу отставить, – скомандовал я и первым, утопая в снегу, побежал к дороге.

Оглянувшись на ходу, я увидел, что вся группа дисциплинированно выполняла поставленную задачу и двинулась колонной за мной. Замыкающими так и остались Смоукер с Фитилем, которых таки отбросило открывающейся створкой. Этим тварям трех человек на завтрак было мало.

У забора справа кучка мертвецов жрала дымящиеся останки. Глебов, видимо, решил срезать и перелезть через забор. Редкостный везунчик. Резервные генераторы продолжали работать, и забор все еще был под напряжением.

Наш отряд на удивление лихо и без потерь добрался до ворот КПП, несмотря на полчища живых трупов, которые по глубокому снегу и скользкой наледи на дороге передвигались еле-еле. Но их приходилось обходить по широкой дуге, и колонна растянулась.

Смолова Рики и Веселов уже практически тащили на себе. Он потерял много крови, но времени даже жгут наложить у нас не было. Большая часть мертвецов увязывалась следом за нами.

У ворот их было десятка два, пришлось потратить почти все оставшиеся патроны, чтобы прорваться. Пока я, Грач и Хомяк расчищали дорогу к КПП, расстреливая ублюдков, преграждавших нам путь, оставшаяся часть колонны попала в серьезный замес.

Обернувшись на крики, я увидел Веселова, в которого вцепились сразу двое, и Рики с Камовым, пытающихся этих гадов от него оторвать. Смолов лежал на земле лицом вниз, не двигаясь, уже похоже без сознания.

Еще чуть дальше по дороге Фитиль и Смоукер, встав спина к спине, короткими очередями отстреливали ближайших к группе противников.

Наша тройка рванула обратно, но вовремя не успела, к тому моменту, как мы добежали до основной части группы, в живых из них остался только Рики, который, израсходовав весь боезапас, отмахивался сразу от троих тварей автоматом как дубиной. Я подбежал почти вплотную, остановился, прицелился в одного из них и нажал на спуск. Раздался щелчок, выстрела не последовало. Ближайший гад переключился с Рики на меня. Я со всей дури зарядил прикладом гаду по пасти и добавил ногой в живот. Тот отлетел метра на полтора, но тут же начал подниматься. Без огнестрела ловить здесь было нечего.

Уже вшестером мы побежали к воротам, на ходу снаряжая магазины патронами, которые оставались в карманах.

На этот раз нам удалось выйти, хотя Хомяку в караулке, куда он забежал, чтобы разблокировать ворота, успели вгрызться в ногу, и он хромал за нами, опираясь на Фитиля, подвывая на каждом шаге.

Теперь оставалось добраться до шоссе. Через лес всего три километра, но с раненым на шее по сугробам далеко не уйдешь. По дороге километров десять, но риск сравнительно минимальный, да и шанс был, что встретим какой-то транспорт, может где-то на дороге стоит «Урал» следующей смены?

Где-то через два километра беготни по петляющей дороге преследующая орда мертвых подотстала, и мы смогли остановиться перевести дух. Хомяк выглядел еще херовее Смолова, но отключаться вроде не собирался, и я, отрезав рукав своего кителя, туго перевязал ему ногу. Пяти минут не прошло, а на горизонте снова замаячили мертвецы.

- Надо в лес уходить, по дороге они нас легко найдут, – подал голос Рики уже на бегу.
- Что, сил много разговаривать? – одернул его Смоукер. – Давай вон раненого тащи тогда. Рики сменил Грача, который до этого помогал бежать Хомяку, но не унялся.
- За тем поворотом. В лес надо. До трассы рукой подать. Я местный. Знаю здесь все. Мы переглянулись со Смоукером.
- Может малец прав? – спросил я.
- Не дотащим.
- А по дороге сколько еще тащить?
- До трассы.
- А потом?

Смоукер замолчал на несколько секунд. Ответ напрашивался, мы для того и бежали, чтобы хоть какими-то колесами разжиться. Только ему, как и мне, было очевидно, что тачку на шоссе мы можем ждать до посинения, а ближайший поселок километрах в пятнадцати. К тому времени Хомяк инеем покроется, да и мы вместе с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.